

Галина Артемьева

До свадьбы доживет

Галина Артемьева

До свадьбы доживет

«Автор»

2014

Артемьева Г. М.

До свадьбы доживет / Г. М. Артемьева — «Автор», 2014

«...Хорошо начинался тот сентябрьский день. Дочь Лукерья, она же Лука, она же Лушка, она же Лю, умчалась поутру в университет, они с мужем проснулись часов в одиннадцать: только позавчера вернулись из Греции, впервые за последний год провели десять дней вдвоем – хорошие, мирные десять дней, без мужниных колкостей и раздражения по пустякам. Конечно, он уставал, конечно, ему много приходилось тянуть на своих плечах, к тому же – критический возраст: им как раз минуло сорок пять. То есть, по всем правилам, она, Тина, становилась «ягодка опять», а муж ее Юра должен был переживать кризис под названием «как – и это все?» Что-то с ним явно происходило непривычное. Тина и подругам жаловалась, что Юрка стал «прямо как не родной», огрызается непонятно на что, доброго слова от него не дождешься. И как бы она ни старалась, ничем ему было не угодить. Прямо другой человек появился на месте ее любимого Юрки. Двадцать два года вместе, срослись намертво, все друг про друга знают, понимают, чувствуют, но вдруг – колючие взгляды, слова, огрызания. И обнять себя не дает, отстраняется, и иронизирует над каждым ее словом...»

© Артемьева Г. М., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пакт о нерычании	5
Девять месяцев назад	6
Вечный вопрос	13
Последняя ночь	18
Пустой дом	24
Мы-а-мы-а!!!	28
Нос у ладони	32
Маленькими шажками	37
Каталог загаженных слов	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Артемьева

До свадьбы доживет

«О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства.»

Лао-Цзы.

Пакт о нерычании

– Я ухожу! Не беги за мной! Ложись спать! В домик, в домик! Иди! Ты почему не спишь в своем домике, диво дивное, а? Иди быстро в домик!

– Уааааа! Гаааав!

– Нет, ну так мы не договаривались! Ты же обещала! Мы же с тобой пакт составили еще вчера! Ну-ка, давай еще раз: «У меня, распрекрасной собаки по имени Клава, есть собственный домик по адресу Садовая Кудринская улица, дом 23, пятый этаж, квартира со звонком, до которого я дотягиваюсь и сама звоню.» Так? Было дело? Составляли пакт?

– Гаааааффффррррр!

– Подтверждаешь, значит? А что дальше – помнишь? «Я, распрекрасная и любимая собака по имени Клава, проживающая по тому же адресу, что и мой домик, обязуюсь в нем спать, когда остаюсь одна в квартире. Я не вою, не лаю, не рычу под дверью, а тихо сплю в своем собственном домике. Честно и верно.» Ну? Чего смотришь? Ведь мы договаривались? Да! Иди уже, спи. И Лукаша твоя скоро-скоро придет. Нет смысла затеваться с вытьем. Тебя тут кто-нибудь бросал? Не кормил? Не любил? Вот! То-то же! Самой же стыдно! Ну, давай поцелую на прощанье. Вот так. Ой, ты же мне помаду сожрала, чудовищная любимая собака! Клава! Все! Иди в домик по-хорошему. До скорого!

Клава все-таки послушалась и залезла в свой домик. Ну, «домик» – это скромно сказано. Скорее, большой разноцветный мягкий терем, который пришлось шить на заказ, потому что на Клавин размер собачьи жилплощади в зоомагазине на Арбате не продаются.

Тина повернула ключ в замке и прислушалась. Пока тихо. Клава вроде бы решила соблюдать пакт о нерычании на проходящих по лестничной площадке мимо дверей их квартиры. Или чует хитрюга, что мама еще не ушла? Ума у Клавы было столько, что Тина и Лукаша не уставали удивляться.

Появилось это удивительное существо в самый страшный период их жизни, начавшийся девять месяцев назад. Девять месяцев – срок особенный. За это время можно выносить и родить дитя человеческое. А некоторым вот удается просто не сдохнуть и поверить, что жизнь продолжается. И это тоже великое достижение! К этим некоторым Тина, естественно, относилась прежде всего себя. Она глянула на экран телефона и поразились: 15 июня! Ровно девять месяцев прошло с того сокрушительного сентябрьского дня, и она не только жива, но снова умеет улыбаться и даже шутить.

Девять месяцев назад

О том дне лучше не вспоминать, но пока выгнать его насовсем из памяти у нее не получается. Тина, даже и не вспоминая, знает: в определенном месте ее души гнездятся смертельная боль и тоска. И хотя время лечит, что проверено и подтверждено ею же самой не раз, но рана, нанесенная самым дорогим и близким человеком пятнадцатого сентября – девять месяцев назад, – пока не затянулась, хотя теперь с болью от нее можно как-то договориться и вполне мирно сосуществовать.

Когда подобное случается с другими (а оно случается, и, увы, слишком часто, чтобы кто-то удивился подобной новости), так вот – когда с другими происходит нечто подобное, все воспринимается почти как норма. Ну – теперь так. Теперь – такая жизнь. Белое в один миг становится черным. И нечего из-за этого с ума сходить. Надо пережить, подняться, отряхнуться и – шагай себе по просторам дальше, как ни в чем не бывало! Но это – когда с другими. А вот, когда с тобой происходит такое – тут все рассуждения отменяются, разум отключается, и ничего наперед неизвестно: как встать, от чего отряхнуться и – зачем дальше жить, если позади пропасть, а впереди бездна?

Хорошо начинался тот сентябрьский день. Дочь Лукерья, она же Лука, она же Лушка, она же Лю, умчалась поутру в университет, они с мужем проснулись часов в одиннадцать: только позавчера вернулись из Греции, впервые за последний год провели десять дней вдвоем – хорошие, мирные десять дней, без мужниных колкостей и раздражения по пустякам. Конечно, он уставал, конечно, ему много приходилось тянуть на своих плечах, к тому же – критический возраст: им как раз минуло сорок пять. То есть, по всем правилам, она, Тина, становилась «ягодка опять», а муж ее Юра должен был переживать кризис под названием «как – и это все?» Что-то с ним явно происходило непривычное. Тина и подругам жаловалась, что Юрка стал «прямо как не родной», огрызается непонятно на что, доброго слова от него не дождешься. И как бы она ни старалась, ничем ему было не угодить. Прямо другой человек появился на месте ее любимого Юрки. Двадцать два года вместе, срослись намертво, все друг про друга знают, понимают, чувствуют, но вдруг – колючие взгляды, слова, огрызания. И обнять себя не дает, отстраняется, и иронизирует над каждым ее словом.

– Устал, – осознавала Тина, – от всего устал. Так устал, что и отдыхать не заставишь, отмахивается только, бурчит, что не до того ему.

Она на свой страх и риск взяла тур в Грецию, а ему об этом сказала, когда все было оформлено: и визы, и билеты. Отказаться бы не получилось. Нет, конечно, получилось бы, но деньги пропали бы точно. Тина внутренне трепетала, когда воркующим голосом, с улыбкой на нежных устах сообщала мужу о предстоящем им совместном райском отдыхе. Но он на удивление легко согласился:

– А, ты уже все подготовила? Ну, хорошо, Тиша. Давай полетим. Пусть.

Он все двадцать два года их совместной жизни звал ее Тиша. Она любила это имя, любила слышать, как он его произносит, любила читать его записки или письма, который всегда начинались словами «Милая Тиша, Тишенька».

Вообще-то по паспорту звалась она Валентиной. Так почему-то решили родители, когда она у них появилась. У ребенка ведь не спрашивают, нравится ему имя, которым его нарекают. Сами выбирают по своему вкусу, а человеку приходится приспосабливаться. В старших классах Валентина всем новым знакомым представлялась именем, которое, как она считала, подходит ей гораздо больше – Тина. И почему бы нет? Это ведь даже более точное сокращение ее полного имени, чем Валя. Тина – четыре последних буквы, не прибавить, не отнять. Зато в

этом имени чувствовался какой-то шик, ощущалась загадка. Она здорово изменилась вместе с новым именем. И профессию уверенно выбрала – искусствоведение, и потом дело нашла по душе, в соответствии с именем. Счастливое она изобрела себе имя. Так ей казалось. А уж когда влюбилась как сумасшедшая и услышала от того, к кому ее тянуло с нечеловеческой силой: «Тиша, послушай, что я тебе скажу. Я тебя люблю. И мы должны пожениться, Тиша. Что скажешь?» – вот тогда звуки ее имени стали восприниматься ею, как объяснение в любви. Имя Тиша, произнесенное мужем, она воспринимала как теплый светлый луч, направленный в ее сторону, луч, который защищает, дарит счастье и покой.

Вот потому-то, когда Юра сказал «Хорошо Тиша. Давай полетим», она решила, что все к лучшему и что все у них будет хорошо, как было прежде.

В Греции действительно было замечательно. Муж отдыхал, дремал, читал своего нескончаемого Пруста на французском (несколько лет читал, а теперь книга подходила к концу – похоже было, что он как раз на берегу Эгейского моря и закончит свое эпохальное чтение). Она купалась, заплывала далеко-далеко, поворачивалась на спину и любовалась небом Эллады, удивляясь тому, что по этому самому морю плавали мифические древние греки и видели ту же небесную лазурь, что и она сейчас. Такие же рыбы плавали вокруг, такое же счастье разливалось в воздухе. Жизнь казалась ей бесконечной, а все обиды – мелочными и недостойными. Она совершенно успокоилась тогда. Муж по-прежнему был замкнут, погружен в себя, но колкостей не допускал, улыбался ей по-доброму и даже порой обращался к ней так, как она больше всего любила.

Они вернулись в Москву умиротворенными, день отсыпались, Тина разбирала и стирала вещи, с новыми силами наводила порядок в доме. Еще бы – Лушка такой бардак развела за время их отсутствия! А пятнадцатого, как много лет подряд, отправились на день рождения к друзьям, в известную театральную семью, в которой и муж, и жена родились в один день, тот самый, который Тина никогда-никогда не забудет. Они каждый год собирались в этом веселом хлебосольном доме, болтали, шутили, строили всякие общие планы, пили-ели всякие деликатесы и чувствовали себя великолепно.

И в тот вечер Тина хохотала до упаду. Ее всегда легко было рассмешить, а тут гости наперебой рассказывали об актерских оговорках на сцене – вот уж где можно было сгибаться в три погибели от смеха, просто рыдать. Странно, что она, постоянно имея дело с режиссерами, хорошо зная закулисную жизнь, почему-то раньше особого внимания на такие мелочи, как неверно произнесенные со сцены реплики, внимания не обращала. Что-то доводилось слышать, но, видно, настроение тогда было не то. А тут все принялись рассказывать, кто что мог. И одно за одним, по нарастающей.

Ну, про то, как вместо «Гонец из Пизы» возвестили про понятно что из Ганы – это она знала. Но в тот сентябрьский вечер до нее как-то по-особому дошло. Она представила себе, как это прозвучало со сцены и что сделалось со зрителями, и зашлась детским смехом – на радость рассказавшему. А дальше посыпалось, как из рога изобилия.

Вот Онегин на балу. Вот он спрашивает у своего друга Гремина, кто, мол, та, в малиновом берете, с послем испанским говорит. Ну, ясное дело, кто. Жена Гремина, в девичестве Ларина Татьяна. Та самая. Но на одном спектакле актер, исполняющий партию мужа, почему-то на вопрос Онегина про даму в малиновом берете вместо «Жена моя» отвечает «Сестра моя».

И Онегин, которому полагалось пропеть «Так ты женат? Не знал я ране», вывел, не дрогнув:

– Так ты сестрат?

И снова Тина представила себя в зале, среди зрителей, и хохотала безудержно.

– А вот еще, – продолжал кто-то из вдохновленных ее смехом гостей, – Катерина в «Грозе» Островского должна броситься в Волгу с крутого берега. Ну, актриса прочитала свой монолог и бросилась топиться. А ей подставили не обычную сетку, а тугой батут. Прыгнула

она, а батут ее подбросил. Она, естественно показалась перед зрителями – выше скалы, с которой падала в реку. Снова упала – и снова батут ее вытолкнул. Так она периодически взмывала над скалой. Один из присутствующих на сцене актеров нашел выход из положения:

– Не принимает светлую душу нашей Катерины матушка-Волга!

Смехом Тины заразились все и наперебой принялись вспоминать.

– А помните в «Моем бедном Марате» актер должен сказать: «И заруби себе на носу!»

А вместо этого он выдает:

– И заруби себе на суку!

Его партнер мгновенно реагирует:

– И где тот сук?

Так они еще про тот сук потом минут пять импровизировали!

А как по ходу трагедии Шекспира «Король Лир» артистка-дебютантка от волнения вместо простых слов «Сестра писала нам» запуталась и произнесла невообразимое:

– Сестра пистре (пауза) сисьмо сосала!

После такой оговорочки ее партнер, знаменитый Мордвинов, зашелся смехом так, что занавес дали, между прочим. И только когда зал и актеры отсмеялись, продолжилось действие шекспировской трагедии.

Естественно, не обошлось без знаменитой фразы Евстигнеева из «Большевиков». Он играл роль соратника Ленина. И должен был по ходу пьесы сказать про умирающего вождя:

– Захожу, а у него лоб желтый, восковой....

И много раз все получалось, как положено. Все товарищи по партии кручинились, зал вздыхал. А однажды Евстигнеев вместо привычной фразы почему-то произнес:

– Захожу, а у него жоп желтый....

Можно себе представить, что с остальными исполнителями творилось, это ж ни рассмеяться, ни всхлипнуть!

Тина в восторге повторяла известную оговорку. Почему-то не приходилось ей прежде слышать о том прославленном эпизоде.

Когда прощались, хозяева звали бывать у них почаще:

– Тиночка! Мы так любим твой смех!

Ну да! Тина больше всего на свете любила смеяться. Смех дарил ей легкость и беззаботность. И в любом случае – лучше смеяться, чем плакать. Вот она и радовалась любой шутке, не разделяя юмор на тонкий и грубый. Да какая разница, если смешно!

Она улыбалась и повторяла особо рассмешившие ее слова, пока они спускались на лифте и выходили из подъезда. Друзья жили недалеко от их дома: одна остановка на метро или три остановки на троллейбусе. Но вполне можно было и пешком за двадцать минут дойти.

Вечер стоял теплый и тихий, совсем еще летний: ни одного желтого листочка на деревьях, трава на газонах зеленая. Только вот золотые шары в палисадничке и напоминали, что осень – вот она, наступила. У Тины почему-то сжалось сердце при виде этих желтых цветов. Со школьных времен они казались ей вестниками печали, равнодушно покачивающими своими аккуратными круглыми головками:

– Да-да, осень близко, солнышко скоро исчезнет, летние радости уйдут, начнутся трудовые будни и печаль-тоска.

Тина отогнала грустные воспоминания. Где ее школа? О чем это она закручинилась? Уже и дочка на последнем курсе университета! К следующему лету получит диплом – и все, закончится для их семьи тема учения. Если только внуки пойдут. Но до этого еще жить да жить.

– Нет, это надо же! «Жоп желтый»! – вспомнила она и снова рассмеялась, – Это захочешь специально такое выдумать, так и не сообразишь! Мы как? Пешком или на троллике?

Юра молчал. Она привыкла к его молчанию. Последние года полтора, если не больше, он как-то настолько отдалился от нее, что и не заговаривал никогда. На вопросы отвечал, порой

хмыкал язвительно, но таких долгих доверительных разговоров, к которым она привыкла за предыдущие годы их жизни, тех самых разговоров, которые давали ей силы справляться с любыми трудностями, потому что есть у нее самый близкий и все понимающий человек, – таких разговоров почему-то давно у них не случалось.

– Так как? – повторила Тина? – Пешком или...

– Я... – проговорил вдруг муж хныкающим полусшепотом, – я... я не хочу жить во лжи!

Такая непонятная фраза «не хочу жить во лжи» – ни о чем слова, к тому же совершенно невнятно произнесенные, как в дурном сне. Но почему-то (даже сейчас, спустя столько месяцев, Тина не может себе объяснить причину) – почему-то она тогда все-все поняла, охватила сердцем все и сразу. Не зная деталей, подробностей, она словно звериным чутьем учуяла беду – и испугалась, затосковала смертельно.

– Не надо! – жалобно попросила она, – Не надо!

И добавила почему-то:

– Я на все согласна. Только – не надо. Пожалуйста, не надо.

Проговорив это, Тина быстро зашагала по бульвару. Ей хотелось остаться одной и ничего никогда больше не слышать. И тем более – не знать. Но Юра, решившийся сказать первую – дурацкую и отвратительно лживую – фразу про свое нежелание жить во лжи, словно обрел силу, которой ему раньше недоставало. Он нагнал жену, остановил ее и, глядя ей прямо в глаза, произнес:

– Это Катя. *Моя* Катя. Я тебе говорил. Помнишь?

– Какая *твоя* Катя? – рыдая, спросила Тина, – Что я должна помнить про Катю? Когда ты мне говорил?

– Двадцать два года назад. Почти двадцать три, – с гордостью возвестил Юра, – Когда мы познакомились еще. Не помнишь? Я тебе говорил, что в школе был влюблен в Катю Гогибеда-ридзе. Я сразу после школы сделал ей предложение! Помнишь, я рассказывал? И она отказала!

Тина вдруг вспомнила! Столько лет об этом не думала вообще! Даже тени воспоминаний не мелькало! И вдруг – да, всплыл в памяти тот разговор с Юрой, когда они только-только начали встречаться. Что он тогда сказал? Ах, да! Вот что: он сказал, что сердце его разбито! И она еще смеялась и говорила, что он не похож на человека с разбитым сердцем, такой весь красивый, здоровый, пышноволосяй. С разбитыми сердцами так не выглядят. А он все равно упрямо рассказывал, как любил девочку из своего класса, как она сразу после школы родила, он не спрашивал, от кого и что вообще такое случилось, что ей понадобилось рожать. Но он сделал ей тогда предложение, обещал помогать растить ребенка. Они даже целовались! Но она отказала. И потом – они встретились через несколько лет, у нее уже ребенок ходил в детский сад, он несколько раз приходил вместе с ней забирать ее сына из садика, она оставляла малыша на свою маму, а потом шла с Юрой гулять, и они опять целовались. И снова он сделал ей предложение, а она сказала, что у нее рак крови, что ей недолго осталось жить, поэтому не стоит и затеваться. И он плакал, умолял ее, говорил, что ему все равно – хоть месяц с ней прожить, и то счастье на всю жизнь. Но она была непреклонна. Вот такая у него была трагедия в жизни.

– Она что – умерла уже? – ужаснулась тогда Тина.

– Нет. Пока жива. Но нам не быть вместе, – горестно вздохнул Юра.

И она его веселила, веселила. Он постепенно отошел от грустных мыслей. И стали они целоваться, и не только. А потом он предложил ей пожениться. Сказал, что очень-очень ее любит и хочет всю жизнь провести с ней. И она, конечно, хотела того же! И тут же согласилась.

Да! Вот еще что было! Как же она могла забыть! Они с Юркой ходили в его школу на вечер выпускников. Они тогда только-только поженились и всюду ходили вместе. И тогда, на шумном бестолковом сборище недавних одноклассников увидела она ту самую Катю, из-за которой муж ее так отчаянно когда-то убивался. Ничего особенного: темные глаза, широкие

брови, крашенная блондинка, стройная, высокая, взгляд – как бы это сказать поточнее – жадный до жизни, вопрошающий, что почем, и быстро определяющий всему цену (по собственной шкале ценностей, конечно). Тина вспомнила, что она тогда легко, вскользь удивилась Юркиному вкусу, но даже говорить об этом не стала – зачем. Они муж и жена, у них – да! – любовь. А то, что было когда-то с этой Катей – полная чепуха. Да и не было ничего. Единственно, что она спросила тогда: неужели у этой Кати действительно был рак крови? Уж очень здоровой и вполне благополучной она выглядела.

– Не знаю – был, не был, – ответил тогда Юрка, – мне без разницы.

К тому же выяснилось, что Катя только что вышла замуж. И муж ее оказался богатым дядькой на двадцать лет ее старше. Тина тогда поняла про Катю все и сразу, уж очень типичный случай представляла собой первая Юркина любовь. Ну, понятно же было, почему она отказала своему ровеснику – ей хотелось прочно устроиться в жизни, хотелось всего и сразу, а у Юрки за душой, кроме чувств, не было ничего. Дело вполне житейское, тем более уже обожглась на чем-то девушка. Единственно, что трудно было понять – зачем про рак крови врала. Хотя – тоже не так уж сложно сообразить: ей хотелось, чтобы ее пожалели и чтобы светлое чувство к ней пронесли, так сказать, через годы и расстоянья.

Ничего не было в Кате, что имело бы смысл запоминать.

Неужели это ту самую называет сейчас муж «моя Катя»?

Тину страшно знобило, ноги сами тащили ее домой, она задыхалась, но неслась со страшной скоростью. Юра едва поспевал за ней, но говорил теперь беспрестанно. Его словно провало. Видно, многое накопилось. Он сообщил, что год назад Катя пришла на его концерт, а потом зашла в артистическую поздравить. И с тех пор – они вместе. И дышать не могут друг без друга.

– Год? – почему-то переспросила Тина.

– Год! – уверенно и гордо подтвердил Юра.

– А раньше что было? До этого года? Ты начал раньше! – сказала она, плохо отдавая себе отчет, о чем они говорят.

– Раньше я жил в пустоте. Но – никого! Поверь! Я был совсем один! – патетически воскликнул муж.

Тине хотелось спросить: «Что значит – один? У тебя же была я. И я всегда была рядом. Как это – один?» Но она промолчала, потому что понимала, что вопросы ее не имеют никакого смысла. Вот как оказалось: муж жил с ней, ел с ней, спал с ней, но при этом, оказывается, был совсем один. О чем спрашивать?

И все же – так многое нужно было выяснить! Но с кем выяснять? Рядом с ней почти бежал совершенно чужой и недобрый человек, говоривший жуткие вещи, совершенно не считаясь с тем, какую боль он сейчас причиняет той, с которой прожил вполне мирно и любовно двадцать два года. Он зачем-то говорил о том, как прекрасна его Катя, как наконец-то она поверила ему и доверилась. Тине пришлось услышать и о том, что у нее, у этой великолепной Кати, старший сын учится в Вене, а она все еще замужем за тем самым бизнесменом, который старше нее на целых двадцать лет.

– Значит, мужу ее сейчас шестьдесят пять, – зачем-то подсчитала Тина, продолжая про себя спрашивать Юру о самом главном.

– У нее дочь от этого человека. Ей десять лет. Я буду помогать ей растить ее, – муж просто захлебывался от восторга, как мальчик, пересказывающий захватившую его целиком сказку.

Тут Юра словно слегка запнулся, но тут же продолжил:

– Лукерья уже совершенно взрослый человек. Я ее вырастил до возраста совершеннолетия – не только в нашем определении этого слова, но и в мировом. Ей двадцать один уже исполнился. В Америке спиртное с этого возраста разрешено продавать. Так что долгов перед ней у меня нет.

Тина, услышав имя Лукерья, в который раз подумала, что зря она тогда уступила мужу и согласилась назвать дочку именно так. Ну, не подходило девочке это имя – никак. Ладно уж там Луша, Лука. Но Лукерья – какая-то анекдотическая претензия на оригинальность, какие-то лапти с лакированным бантиком для украшения.

Впрочем, это вопрос не актуальный. А какой актуальный? А – вот: Юра, значит, год уже гужевался с Катей, давно все с той обсудил и решил. Сейчас как раз избавлялся от незначительной помехи на их с Катей светлом пути к счастью. И помеха эта она, Тина.

Как он только что сказал? «Я вырастил ее до совершеннолетия». «Я вырастил». Как будто он один растил. Или вообще какие-то серьезные усилия приложил к воспитанию дочери. Деньги давал. Шутил. А чтоб поговорить, утешить, пойти куда-то вдвоем – не было такого никогда за все эти годы. Никогда!

– Но я же сама, – сказала себе Тина, – я же сама с этим соглашалась. Юрочка, мол, натура творческая, ему нужен покой, тишина, чтобы не прерывалось течение его мысли, его внутреннее слушание музыки. Юрочка не сразу стал успешным композитором, которому предложения поступают со всех концов света. А она в него верила и помогала, как могла. Его дело было – творить. А ее – растить дочь, кормить их, веселить, создавать уют в доме.

Впрочем, он в последнее время очень часто произносил «я» вместо «мы». Вот только что в гостях сообщал: «Я был в Греции». Тоже удивительно было слушать. Однако она, услышав эту фразочку, как часто в последнее время, сказала себе, что это всего лишь оговорка, что не стоит даже внимание обращать. Вот они сидят рядом, пришли вместе – что еще ей надо?

Все это ерунда. Ненужные мелочи. Главное было совсем не в этом. И она, задыхаясь от стремительного движения домой, в родные стены, спрашивала и спрашивала себя об этом главном, зная, что с Юрой об этом говорить не будет. Не сможет она об этом заговорить. А главное было – венчание. Они же повенчались семнадцать лет назад! Причем, настоял на этом муж. Тогда время было такое: все широкомасштабно крестились и венчались. Сначала искали свои духовные пути, читали книжки, подчеркивали ключевые фразы. Потом шли в храм и проникались Богослужением. И стремились стать частью общего, влиться в мейнстрим, ожить от духовного обморока. Шло массовое восстановление разрушенных непутевыми предками храмов и строительство новых. Но постепенно православие стало входить в привычку, и те, кто стремился следовать модным веяниям, взялись поначалу иронизировать, а потом и критиковать то, к чему их поначалу прибило девятым валом.

Тина в детстве много времени проводила на море, и любила наблюдать, как оно перед штормом начинает волноваться, словно охваченное единым мощным порывом, как оно ревет, устремляя волны вверх и вдаль. И все, что только оказывается на поверхности бушующей воды, подчиняется ее власти. А потом шторм утихает, и на берегу обнаруживаются всякие клочки водорослей, бревна, даже непонятно как очутившееся в море тряпье и прочий мусор. Все это случайное барахло грозно вздымалось волнами и, казалось, тоже как-то осмысленно участвовало в общем движении. Но это только казалось. На берегу весь этот хлам не мог ровным счетом ничего. Так и с верой: Тина не осуждала тех, кто заодно со всеми устремился в даль светлую, а потом, не имея ни таланта, ни силы духа, чтобы верить, остались, как щепки, выброшенные прибоем, в пустоте. Но был момент в их с Юрой жизни, когда сердце ее заныло: его тетя, сестра отца, недавно спросила:

– Юр, ты по-настоящему веришь?

И он вдруг произнес:

– Не знаю. Я *так*...

– Вот и я – *так*, – засмеялась Юрина любимая тетя.

А сердце Тины после этих невинных фраз дрогнуло и затрепетало. Прежде он говорил иначе. И молился по утрам и вечерам, и на исповедь ходил, и причащался. А теперь – *так*. Но

она и тогда промолчала, не нашла в себе сил говорить об этом. Может быть, боялась услышать что-то страшное для себя?

И вот в тот момент, узнав от мужа о его убийственных планах на их будущее, она все хотела спросить: «А как же венчание?» Ведь он же сам много раз подряд повторял про то, что людям не дано разъединить то, что Бог соединил. Но о чем было спрашивать? И зачем? Если он уже целый год, как ответил сам себе на этот вопрос.

Она очень остро ощутила тогда, что вот оно: предательство. Настоящее, несомненное предательство, которому настолько нет оправдания, что и говорить не о чем. И судить такое предательство нет смысла: это уже не ее дело, а высших сил.

Уже на подходе к дому она услышала еще одну поразительную вещь: оказалось, муж планирует поселиться с Катей и ее десятилетней дочкой в их квартире. Тине тогда показалось, что она ослышалась. Может ли такое быть?

– А я? А мы с Лушей? – спросила она, остановившись.

– Лукерья, если захочет, может, конечно, остаться с нами. Но ведь и ты, и она прописаны на Кудринской. Впрочем, пусть она сама решает, – услышала Тина ответ.

– Не может быть! – вот что хотелось ей закричать – и после этого проснуться в собственной спальне рядом с мирно спящим мужем. Но оказалось – быть может все. И не только в кошмарном сне, а наяву. Причем, явь получается гораздо страшнее и безысходнее.

Вечный вопрос

С квартирой дело обстояло так. Поначалу, когда они с Юрой только поженились, их приняли к себе ее родители. Они вполне мирно жили в небольшой двухкомнатной квартире, плюсом которой было ее центральное местоположение и четырехметровые потолки, потому что в начале XX века архитекторы считали, что высокие потолки – это не только красиво и приятно, но еще и жизненно необходимо человеку. Так что в их жилище на Кудринской всегда казалось просторнее, чем было на самом деле. Все было бы хорошо, даже когда родилась Лукаша. Но только один существенный момент мешал их полному счастью: Юрочке негде было творить. Чтобы писать музыку, ему необходим был, как минимум, рояль и к нему впридачу какая-никакая отдельная комната со звукоизоляцией, чтобы его занятия не доводили соседей до белого каления. Вот тут Тина и придумала собирать денег на хоть какую-то однокомнатную квартиру для Юрочкиных занятий. И ей тогда очень повезло: она тогда только-только начинала заниматься тем делом, которому потом полностью себя посвятила. Она ездила по европейским городам, ходила на блошинные рынки, откапывала всякие антикварные редкости, в которых прекрасно разбиралась. Она собирала все: и одежду, и нижнее белье, и фарфор, и холсты, свернутые в рулоны, потемневшие от времени, найденные на чердаках старых домов. Новые хозяева избавлялись от хлама и задаром отдавали старьевщикам барахло из мансард и чуланов, а те, в свою очередь, распродавали свои дармовые находки за сущие гроши. Тина с упоением рылась в вещах-обломках старой жизни, и ей везло. Она обладала легкой рукой и выуживала порой настоящие сокровища. Ветхую одежду она приводила в порядок и пристраивала в театры, на киностудии или модельерам. Театральные портные интересовались не столько самой разваливающейся вещицей, сколько фасоном и кроем. Они тщательно перерисовывали малейшие детали, чтобы артисты, одетые в точнейшие копии настоящих модных шедевров определенных эпох, чувствовали себя людьми того времени, в которое хотели перенести своих зрителей. Ветхая одежда на блошинных рынках продавалась порой связками: бери это барахло, милочка, и разбирайся дома, что тебе из этого нужно, а что можно смело выбрасывать на помойку. Но на помойку она ничего не отправляла, напротив: аккуратно укладывала в небольшой чемодан и везла в Москву. Таможенники никогда не просили ее показать, что она такое везет. Девушка со стандартным двадцатикилограммовым чемоданом не привлекала внимание.

Несколько раз Тине попадались подлинники картин постимпрессионистов, художников, чьи имена особо не были на слуху. Только специалист мог встрепетнуться при малоизвестном имени. А уж она-то как раз и была специалистом! Очень много находок сделала она в свое время и в русской провинции, где нищета девяностых гнала людей продавать за копейки все, что они считали ненужным старьем. Юра тогда еще только подавал надежды, а обеспечивала семейство она, причем легко, азартно и радостно. Много в те года было у нее сил и желания обеспечить любимых людей.

Однажды она откопала под Ярославлем подлинник Коровина. Внутренне ахнув и задрожав, поинтересовалась ценой, стараясь казаться равнодушной и даже слегка брезгливой к продаваемой ветоши.

– Тут все по триста, – махнул рукой продавец.

– Пожалуй, я возьму вот эту, – взялась Тина за отсыревший холст.

Она отсчитала три сотни рублей (невероятно: десять долларов!) и немедленно убралась восвояси, не смея верить своей удаче. Картину эту она легко продала через пару недель коллекционеру за двадцать тысяч баксов. Вот что значит: знание – сила! На эти двадцать тысяч Тина и Юра сделали великое дело: они, во-первых, за десять тысяч купили однушку рядом с метро «Речной вокзал», во-вторых, сделали в этой убитой однушке евроремонт и профессиональную звукоизоляцию, а на оставшиеся деньги приобрели рояль. «Речной вокзал» был выбран не слу-

чайно: от Маяковки до него было всего несколько остановок по прямой. На дорогу от дома до Юрочкиной новой студии уходило максимум двадцать минут – сказочные условия.

Они спокойно, хорошо и дружно жили, не жалуясь на тесноту. Потом Лушка пошла в школу, а Тине позарез стала нужна хоть какая-то каморка, где она могла бы хранить в надлежащем порядке свои обретения, чтобы можно было иной раз и людей привести, все продемонстрировать, разложить. Она все еще одна справлялась с материальными вопросами целой семьи. Из-за этого при всем желании не смогла себе позволить родить Лушке братика или сестричку. Что было делать? У Юры проходили иногда концерты, он преподавал в консерватории, но вузовские зарплаты вызывали лишь горькую усмешку, а заграничные выступления пока можно было по пальцам пересчитать. Да Юра и не хотел больше детей.

– Человечество и так слишком размножилось, – часто повторял он, – мне для полного отцовского счастья вполне хватает единственной и непосторимой дочери.

Вопрос с жилплощадью решил сам собой. Однажды они с Юрой были приглашены к его давним, школьным еще друзьям. Те собирались навсегда покинуть страну, не соответствующую их запросам и ожиданиям. Это была еще не прощальная встреча, праздновали получение разрешения на выезд.

– Теперь лишь бы успеть все продать, – вздохнула хозяйка дома, которой все: и квартира, и ее прекрасная обстановка достались в наследство от отца, знаменитого оперного певца, – С собой мало что можно вывезти. Библиотеку почти всю отдам в хорошие руки за символическую плату. Ну, а что получится продать хорошо, продам. Поможешь, Тиночка? И если знаешь кого-то из своих, кому квартира в центре столицы нашей бывшей родины нужна, скажи им. Мы же срочно продаем, дорого не просим. Хочется побыстрее и – своим, чтобы не надули.

И тут в разговор вступил Юра, которого ни до, ни после не интересовали вопросы быта. Но в тот вечер словно озарение нашло – так он потом рассказывал эту историю.

– Маш, а сколько вы за свою хату вообще-то хотите? – спросил он.

Подруга назвала цену – немаленькую, но и не заоблачную.

– А если с мебелью и всем остальным? – продолжал расспрашивать Юра.

– Ох, не дразни. О таком счастье мы и не помышляем, чтоб от всего одним махом избавиться раз и навсегда.

– Вот и подумай. И сообщи, – деловито отреагировал Юра.

– Так ты что? Знаешь кого-то, кто мог бы все это разом купить? – удивилась Маша.

– Знаю, – кивнул Юра, – Я сам. Твой покорный слуга. При хорошем раскладе в течение месяца-полтора я эту сделку осилю.

Тина пораженно слушала, удивляясь невесть откуда взявшейся мужниной деловой хватке и тому, что он впервые так активно брал что-то на себя.

– Юрка, тебе – со скидкой! – ликовала Маша, – Это ж действительно – все попадет в хорошие руки. И книги, и картины, и нотная библиотека! И у меня как камень с души свалился – а то я думала, что память папину предаю. Но тебе-то все нужнее, чем мне. А я тут больше не могу. Мне детей надо выучить, чтоб росли они в покое и безопасности. А тут – вон что творится...

Хозяева обещали сообщить окончательную цену буквально завтра. Тина, выйдя из подъезда, спросила шепотом:

– Юрка, квартира, конечно, супер, но деньги где взять? Они, конечно, недорого просят, но у нас почти и нет ничего.

– Давай считать, – предложил муж, – Цены на жилье растут. Ну, не будут же в столичном городе цены на жилье оставаться копеечными. Скоро взлетят так, что тогда уж мы точно ничего не осилим. Надо успевать сейчас. Смотри: мне за мою студию вчера сорок тысяч баксов предложили. Могу толкнуть. И тогда – уже кое-что у нас есть.

– Кто это такой щедрый? – удивилась Тина.

– Да есть тут один. Из бывшей союзной республики. Член союза композиторов. Мечтает в Москву перебраться. Свою квартирицу у себя продает, а тут ему едва на мою студию хватит. Но она в прекрасном состоянии, заселяйся и живи. И опять же – с деньгами не кинут. Он все правильно рассудил.

– Что ж ты мне ничего не сказал?

– А какой смысл говорить? Мне где потом заниматься? Я ж не думал, что такое подвернется! – вполне рассудительно отвечал Юра.

– Хорошо. Сорок будет. Еще даже двадцать или тридцать я наскребу: покупатели есть на бронзу. Хотела себе оставить, уж очень мне она по душе, но раз такое дело – пожертвую.

Тина говорила о бронзовой скульптуре, воспроизводящей в натуральную величину безмятежно спящего младенца. Она нашла ее во время своей очередной экспедиции в российскую глубинку и никак не хотела с ней расставаться, все любовалась детским личиком, казавшимся полным жизни.

– Надо продавать, – вздохнул Юра, – Квартира – дело эпохальное.

– Ладно. А дальше? Остальное где взять? У нас же меньше половины наберется. Еще неизвестно, сколько они за мебель запросят.

– Я в банке кредит возьму, – решительно произнес муж, – Мне точно дадут: работа у меня постоянная, прописка тоже – не будет причин для отказа.

– Кредит – это же кабала! Это же – возьмешь сто рублей – вернешь двести, если не больше, – ужаснулась Тина.

– И пусть! – решил Юра, – Вот увидишь, лет через пять эта квартира будет не меньше миллиона баксов стоить. Вспомнишь мои слова. Они очень пожалеют, что дом свой продали. Зря они сейчас так. Но это – дело не мое. Они продают – я покупаю. И все тут.

Юра выглядел совершенно другим человеком: хватким, решительным, деловым. Тина вдруг почувствовала, что она за ним, как за каменной стеной. «Я решил, я покупаю» – это так по-мужски звучало, так по-взрослому. Она и не заметила, как ее любимый мальчик превратился в крепкого хозяйственного мужчину.

Конечно, она согласилась, и, конечно, все вышло так, как предсказывал Юра: и кредит легко дали, и мебель старинную им отдали почти даром, и квартира потом подорожала так, что Юра даже недооценил ее нынешнюю стоимость. Удобная во всех отношениях квартира: до Кудринской одна остановка на троллейбусе или десять минут пешком. Школу Лушке менять не пришлось, родители рядом. Четыре просторных светлых комнаты, восемнадцатиметровый холл, кухня пятнадцать метров. Комнату для Юриных занятий переделывать не пришлось: она была снабжена великолепной звукоизоляцией: прежний хозяин об этом позаботился. Теперь у Тины была своя комната, у Юрочки – своя, самая большая и даже с балконом, Луше тоже выделили девичью светлицу. У них с Юрой наконец-то появилась собственная спальня. Гостей принимали на кухне, а по особо торжественным случаям раздвигали в холле большой стол, за которым свободно усаживалось двадцать человек.

Тина долгое время переживала за прежних хозяев: ей все казалось, что они скучают по Москве и рвутся назад, домой, а дом занят чужими людьми. И эти чужие – они с Юрой. Странное ощущение. Через несколько лет ей довелось побывать в Штатах у тех самых бывших владельцев. Жили они в Калифорнии, в большом доме недалеко от океана, назад не стремились, наоборот: изо всех сил кляли «помойку», из которой им удалось вырваться. Тоскуют, поняла Тина, и сильно. Иначе – зачем ругаться? Живешь хорошо и радуйся себе. Во всяком случае, совесть ее была чиста, и больше она ни о чем не сожалела.

И только годы спустя, в тот теплый сентябрьский вечер, когда ее трясло из-за холода, поселившегося в сердце от Юриных слов, она вспомнила, что впервые «я», а не «мы» и «мое», а не «наше» услышала она от мужа именно при покупке той самой квартиры.

Ей хотелось спросить в ту их последнюю беседу и о том, считает ли он справедливым, что она должна покинуть любимый ею дом, и не просто справедливым – нормально ли это в мире людей или она что-то пропустила, какие-то новые правила появились. Но и эти вопросы у нее не получилось задать. Потому что изнутри выскочил другой вопрос, перекрывающий предыдущие: «А зачем? Что дадут его ответы? О чем теперь говорить?»

– Я завтра же уеду. Сейчас меня ноги не держат, – сказала она, – Сейчас мне надо лечь.

– Конечно, не спеши, – согласился Юра ласково.

В голосе его звучала давно не слышанная нежность.

– На Кудринской, как я понимаю, ремонт закончен? – деликатно уточнил он.

Она промолчала, с ужасом догадавшись, как четко и точно он рассчитал момент их решающего разговора.

Пять лет назад родители Тины с промежутком в две недели покинули ее навсегда. Ушли – так принято говорить. Сначала неожиданно, без всяких болезней и недугов, умерла мама. Острая сердечная недостаточность. Скорая приехала быстро, но – не успела ничем помочь. Папа после маминых похорон сказал: «Мне теперь жить больше незачем.» Две недели он словно к чему-то готовился: выбрасывал хлам, по его выражению. А потом лег спать и не проснулся.

«Им-то там хорошо, они вместе, – сокрушалась Тина, – а мне здесь без них – как?» Время не лечило ее рану. Она мысленно говорила то с папой, то с мамой, советовалась с ними. Они ей снились – дружные, веселые, давали советы по хозяйству. Однажды мама сказала:

– Хватит уж убиваться. Сделай ремонт и сдай квартиру. А сама – хватит уже тебе быть добытчицей, передохни. Ты всю жизнь вертишься, как белка в колесе.

«Как белка в колесе» – любимое мамино выражение. Тина поверила сну и сделала именно так, как велела мама.

Все последующие после этого решения годы она вкладывала в общий семейный котел деньги, которые приносила аренда квартиры, а сама слегка свернула свою бурную деятельность: ей действительно надо было прийти в себя. К тому же у Лушки надвигались выпускные экзамены и одновременно с ними – сложный подростковый период, когда дочь можно было ненароком упустить. Юра к этому времени был уже известным и востребованным, жизнь налаженно катилась по накатанной дороге. Если бы не ощущение сиротства от потери родителей, Тина могла считать себя вполне счастливой, а свою миссию на земле состоявшейся. С мужем они договорились, что квартира на Кудринской – Лушкино наследство. Выйдет замуж, именно там на свободе начнет свою новую жизнь. А пока – пусть родительский дом приносит денежку.

Четыре месяца назад жильцы, которыми Тина была очень довольна, съехали – обзавелись собственным жильем. И тогда она решила сделать ремонт с небольшими изменениями. Она собиралась из двухкомнатной квартиры сделать трехкомнатную. Давно об этом мечтала, еще родителям предлагала, но они отказались: им и так не было тесно, двух комнат и просторной кухни хватало вполне. Тина же рассудила так: есть у квартиры скрытые возможности, которыми грех было не воспользоваться. Небольшая прихожая вполне давала возможность оставить верхнюю одежду и переобуться. Вслед за прихожей находилось довольно бестолковое квадратное пространство площадью семь с чем-то квадратных метров. Один коридор из него вел на кухню. При кухне, кстати, имелся туалет с душевой кабинкой, что задумано было еще в стародавние времена, видимо для прислуги. А другой коридор, пошире, приводил в комнаты: одна налево, другая направо. Между ними находилась просторная ванная комната с туалетом. Тина задумала из кухни сделать еще одну спальню. А кухню разместить в том самом семи-метровом продолжении прихожей. В пространстве, которое прежде занимал большой стеновой шкаф, должна была поместиться кухонная стенка с плитой, раковиной, посудомойкой. Даже небольшой холодильник вписался в общий ансамбль. Круглый столик, четыре легких стула, красивый светильник – что еще нужно на кухне? Тем более, в отличие от прежних времен, на

готовку много времени тратить не приходилось. Так и получилась вполне удобная и необычная трехкомнатная квартира на Кудринской. Три месяца ушло на ремонт, потом устранялись кое-какие недоделки. После греческих каникул Тина собиралась вплотную заняться поисками квартирантов. Она-то собиралась. Но Юра спланировал иначе, по-своему. Ну да, год замышлял. Только она почему-то была слепа и глуха. Слепа и глуха.

А теперь – вот... Кудринская вполне готова.

Они только переступили порог квартиры, из которой Тине предстояло исчезнуть навсегда, как позвонила Лушка. Отцу позвонила, как обычно, когда хотела предупредить, что останется где-то с ночевкой. Знала, что мать будет возражать. Отца уговорить было значительно легче.

– Лукерья звонит, у друзей хочет остаться, на, поговори, – протянул Юра трубку.

– Нет, – качнула Тина головой, – Не могу говорить. Пусть остается, где хочет. Завтра сам ей все скажешь.

– Мама не против, не делай глупостей, – как ни в чем не бывало попрощался отец с дочерью.

Тина, не разуваясь, прошла на кухню и взяла из холодильника бутылку воды, открыла и стала пить прямо из горлышка.

– Ты где хочешь лечь? – деликатно спросил муж.

– Знаешь, мне не до куртуазностей, – сказала Тина, – Я лягу, как обычно, в спальне. И ты можешь лечь там же. Это ничего не значит. А сил на выкрутасы у меня нет. Лягу-полежу и поутру съеду.

Последняя ночь

Она вошла в спальню и вздрогнула: кто-то двигался слева от двери, у стены. Глянула – какая-то женщина смотрела на нее из тьмы. Комната была освещена уличными фонарями, и в этом зыбком свете бесстрашно и бесшумно шевелился чужой человек. Впрочем, Тине было все равно. Если кто-то затаился в ее спальне, чтобы расправиться с ней – пусть. Собственно, с ней уже расправились, остается только добить.

Она протянула руку к выключателю, сразу стало светло и все понятно. Зеркало! Ее любимое огромное венецианское зеркало отражало ее саму, хозяйку спальни. Бывшую хозяйку. Тина постаралась сосредоточиться и посмотреть, как она сейчас выглядит. Посмотрела – и не узнала себя. Чужой человек смотрел на нее из зеркальной тьмы. Глаза пустые, губы ниточкой, толстая – да, да, толстая, как это она раньше не видела! Вроде каждый день смотрелась, вроде нравилась себе, улыбалась своему отражению, подмигивала. Что у нее происходило со зрением? Только теперь видит она себя настоящую. Разве можно любить такую? И одета кое-как, без шика, а еще в гости в приличное общество ходила, и волосы повисли клочьями, и цвет лица серый.

– Я тебя не узнала, – сказала Тина своему отражению, – Ну, ничего. Богатой будешь.

Отражение мрачно кивнуло.

Тина скинула туфли у кровати и в одежде улеглась на свое привычное место. Кровать приятно пахла чистотой и свежестью. За этим прежняя Тина очень следила. Ей нравилось красивое постельное белье, она любила это ощущение блаженства, когда после насыщенного дня ныряешь под душистое одеяло, потягиваешься, сбрасывая с себя все заботы. Нынешней Тине было абсолютно наплевать, куда она легла. Ее попросту не держали ноги, и голова кружилась. Когда ноги не держат, надо лечь. А раздеваться ни к чему. Она нахлобучила на голову капюшон своего легкого плаща: в капюшоне можно было чувствовать себя защищенной и отгороженной от враждебного окружающего мира.

К кровати приблизился Юрочка в своем любимом домашнем халате, который она привезла ему на Новый год из Франции. Это он уже, оказывается, с Катей встречался. Любовь уже у них была. А халату тогда обрадовался, как дитя:

– Мой любимый цвет, мой любимый размер!

Винни Пух окаянный! Или кто там радовался любимому размеру? Иа-иа, вроде. Да какая разница!

Юрочка улегся справа от нее, раскрыл принесенный с собой лэптоп. Она услышала drobный глухой перестук клавиш.

– Письмо счастья посылаешь? Мог бы до утра подождать. Или надо срочно осчастливить? – спросила она тускло.

– Ну, зачем ты так? – отозвался Юра, не переставая строчить свое послание.

Видимо, удовлетворение от хорошо выполненного наконец-то дела переполняло его, требовалось срочно поделиться с любимой.

Тина лежала и думала, что оказалась теперь совсем-совсем одна. Вот она, оказывается, какая жизнь на самом деле! Старших никого не осталось. Муж ее давно, как выяснилось, разлюбил. Почему она никогда не думала, что такое возможно? С другими же случалось сплошь и рядом – и она это видела, и комментировала, что, мол, обычное дело, такая нынче жизнь. Но про себя просто уверена была: никогда родной муж не перестанет ее любить. Он же родной! Самый близкий! Они – одно целое! И столько лет вместе. И у них взаимопонимание. И вообще – они собираются жить долго, счастливо, состариться вместе и умереть в один день. Вот – ее родителям удалось же именно так прожить! А образ жизни – он тоже передается по наследству. Это такой тайный код судьбы, что-то типа генетического, только он пока не расшифро-

ван, руки у ученых еще не дошли. Ха! Она ведь на полном серьезе так все время думала. Ну, вот и расшифровался код сам собой.

Лушка, конечно, останется с отцом. У них полное взаимопонимание. Она всегда была папиной дочкой. Внешне – как две капли. И характер упорный – в отца. И, если что, ему звонит, а не матери. К тому же комната у нее тут – лучше не придумаешь. И с огромным балконом, и обстановка дизайнерская – настоящий шедевр. Не пойдет Лушка на Кудринскую. Там и мебели вовсе нет. Тина мебель специально до сих пор не покупала: некоторые жильцы не хотят хозяйскую мебель, завозят свою. Особенно те, кто надолго планирует снимать. Так что из обстановки там – только кухня, встроенные шкафы и прекрасно оборудованные санузлы. А так – пустота. Будущую ночь придется спать на полу. Ну, и фиг с ним. Такая нынче жизнь. У всех такая. И у нее оказалась ничем не лучше. Как-то надо привыкать.

Но – не может быть!!! Не может быть!

Так – фоном – кричало что-то внутри нее:

– Не может быть! Это просто страшный сон. Вот сейчас... Проснись! Давай! Просыпайся!

Проснувшись она от собственного воя. Оказывается, ничего не приснилось. Все, как было, так и есть: она в плаще с капюшоном на голове, мирно похрапывающий Юра рядом, не проснувшийся даже от страшных звуков, которые она непроизвольно издавала. Умаялся вечером, открывая нелюбимой жене свою возвышенную душу. Провалился в сон. Сколько же она спала? Тина достала из кармана плаща свой мобильник. Всего час ночи! Не может быть! Так долго тянется это ненавистное время! И на сон ей отпущено было высшими силами не более получаса. И что теперь? Как лежать рядом с предателем?

– Да какая разница! – снова сказала она себе, – На войне всякое бывает. И с предателем оказываешься в одном окопе. Главное все знать о том, с кем рядом.

А она теперь знала.

Вдруг догадка пронзила ее: она наконец получила исчерпывающие ответы на некоторые вопросы, которые время от времени не могли не появляться, но которые она, по собственной слепоте, отодвигала от себя, как несущественные или даже ложные.

Главный вопрос состоял в том, что в последние месяцы Тине казалось, будто кто-то незримый присутствует в ее жилище. Словно бы какой-то параллельный мир случайно вторгался в ее пространство, не желая ничего нарушить, но оставляя после каждого вторжения следы. А если проще говорить, повсюду появлялись какие-то необъяснимые вещи: дамский дезодорант, которым никогда не пользовалась ни Тина, ни Луша, непонятная заколка для волос, расческа. Вообще-то Тина думала, что это дочкины подружки разбрасывают свои вещи, но Лукерья уверенно, честно глядя в глаза, настаивала, что никто у нее давным-давно не был, а если бы и был, зачем бы она это скрывала. Логично, конечно. Но на кого в таком случае было думать? Только на дочкиных подружек, забежавших на минутку в отсутствие родителей, и забывших по девичьей рассеянности какую-то свою вещицу. Впрочем, все это были ерундовские мелочи, хотя Тина и продолжала им удивляться. Кстати, она никогда не выбрасывала чужие предметы в мусорное ведро. Ну, забыла девчонка, вернется – заберет. У них, юных глупышек, денег лишних не водится, зачем выкидывать то, что тебе не принадлежит, а хозяйке вполне еще сослужит службу. Дезодорант, кстати, дорогой, известной фирмы, так и стоял на ее полочке. И до сих пор стоит. Заколка исчезла, а дезодорант остался. Запах его Тине не нравился: слишком резкий, приторный. Ну и что с того? Не так много места занимает, чтобы о нем лишний раз думать.

Сейчас Тина поняла, что это за параллельный мир к ней вторгался. Пылкая влюбленная Катя метила территорию. Старая штука, известная еще в пору ее молодости: приходишь к парню, оставь у него что-нибудь, хоть заметно, хоть незаметно. Пусть твоя вещь поселится в его доме. Сначала вещь, а потом и сама потихонечку переберешься. Как лисичка из сказки:

пусти, зайчик, моё ушко погреться, пусти, зайчик, мой носик погреться, пусти, милый, мои лапки погреться. А потом, глядь – а вся избушка ее.

Значит – старо, как мир? Выходит так.

А почему же она это не принимала во внимание? Почему думала, что древние знания о жизни ее не касаются? Дура была, да? Или время ее тогда еще не подошло? Всякому тесту время нужно, чтобы взойти. Иначе пирог не получится. Сейчас, значит, взошло. И Юра, как заправский кондитер, это почуял и старается вовсю.

И еще кое-что было. Тоже поначалу непривычное, но Тина старалась не придавать значения. То есть – сознательно выбирала слепоту и глухоту как способ счастливого семейного существования. А теперь прозрела. Юрочка в последние годы часто выступал за границей. Даже очень часто. Когда-то они вместе летали: она заодно делала свои дела, отыскивала на блошинных рынках чудом незамеченные сокровища. Но вот в последний год Юра ее с собой не звал. Да и ладно. Все равно Лушку боязно было оставлять одну. Удивляло же ее вот что: Юра, никогда не покупавший сам себе одежду и жутко тяготившийся посещением магазинов, из каждой поездки теперь привозил себе какие-то обновы: то пальто, то ботинки, то сапоги. Даже трусы однажды привез – невыразимо кокетливые трусы, хотя Тина ему в дорогу все, как обычно, собрала: и белье на каждый день, и рубашки, и все остальное.

– Юрка, это – твое? Или случайно чьи-то прихватил? – шутливо спросила она.

– А? Да! Мои, Тиша. Я почему-то подумал, что ты меньше, чем надо, положила, вот и купил, – спокойно пояснил Юра.

– Ты теперь в магазины полюбил ходить, да? – просто так произнесла Тина, – Раньше было не затащить.

Юра вдруг словно ошетинился, хотя – что она такого сказала?

– Я не по магазинам полюбил ходить: ненавидел, терпеть не могу и не люблю никогда. А полюбил я, Тиша, свободу. И личное пространство. И собственное право выбрать вещь по своему вкусу, а не по чужому распоряжению.

– Пожалуйста, кто ж против? – удивилась она тогда, – Кто тебе твою свободу ограничивает?

Он махнул рукой и ушел в свой кабинет.

Вот, значит, в чем заключалась его возжеленная свобода! В поездках вместе с Катей и в том, чтобы Катя выбирала ему обновки. Трусы – это, конечно, была Катина дамская шалость. Это она тоже – территорию метила. Женщины – мастерицы ювелирных деталей, умеют очень тонко намекнуть. Только слепым намеки не видны. А Тина была слепа давно и основательно. К слову сказать, одежда, которую привозил в последнее время Юра, очень ему не шла. То есть – сидело все хорошо, но словно не ему предназначалось. У него вообще-то было чувство собственного стиля, он понимал толк в элегантности. Новые же его приобретения выглядели слишком пафосными: так в свое время одевались богатые рыночные торговцы-кавказцы с Центрального рынка. Мама все время говорила:

– Смотри, и кепок-аэродромов теперь не носят, и вещи дорогие, но сразу видно, кто их хозяин.

Увы. Оказалось, что с возрастом Юрочку стало тянуть на дешевый шик. И тут не было смысла спорить. Это действительно – его свобода выбора.

А выходит – никакой свободы. Вернее – он боролся за свободу Катиного выбора. Потому что Катя была его давней мечтой, теперь осуществившейся. А она, Тина? Кто она? Ответ на вопрос стал ей той жуткой ночью абсолютно понятен: она – подвернувшаяся под руку закомплексованному юнцу, получившему дважды отказ от девушки его мечты – доверчивая идиотка, дурачина-простофиля. Вот, кто она. Это изначально. Сейчас же, кроме того, она – домработница, кухарка, прачка и воспитательница его дочери. Не жена вовсе, а многофункциональная

прислуга, которую он терпел из жалости. Или из опасения, что Катя в последний момент передумает. Могли быть у него и такие опасения, он человек предусмотрительный.

Если же оценивать саму себя объективно, – не может вызывать интереса у мужчин та, которую она, словно впервые, видела сегодня в зеркале. И та, которая из экономии отказывается от домработницы и тянет все хозяйство на себе, тоже никогда не будет объектом любви и вожделения. Любят томных, наглых, романтических, циничных, кажущихся опасными, капризных – то есть, женщин с игрой. А она что? Подай – принеси, найди – не забудь. «Трое из ларца, с толстой жопой без лица».

Неужели все-все через такое проходят? Нет, ее родители смотрели всю жизнь только друг на друга. И их уход это доказал окончательно. Но это – другое поколение. Тогда слово держали и друг друга обмануть считалось позором, катастрофой. А сейчас это доблесть – пуститься в новое плавание по житейским волнам, набрав новую команду. Неужели так? И если теперь – так, то как тогда жить? И зачем? Ради чего такая адская жизнь, в которой никому нельзя довериться? За какие грехи? Или превентивно? Сначала наказание, а потом, в другой жизни, получишь воздаяние за муки? Как это все сейчас устроено? Она все думала, думала, радуясь, что можно лежать, не идти куда-то, а просто вытянуть ноги и ничего не делать.

Уснуть ей больше не удалось. Слишком много мыслей появилось в голове. Они толпились, насакивали друг на друга, пищали, вопили, скрипели, кололи и жгли. Мысли сообщали ей все про *настоящую* жизнь. Про такую, когда дружба дружбой, а табачок врозь. И еще – когда на Бога надейся, а сам не плошай. И что любовь зла, полюбишь и козла. И что Юра, может, совершенно не козел, а просто полюбил по-настоящему. А коза – она, что позволила себе так к нему привязаться. И самая главная мысль:

– Как же так?

Мысль эта повторялась и повторялась, просто вконец ее измучила. От нее невозможно было отмахнуться, не на что было перевести стрелки.

– Как же так? – пищала мысль слезным писком.

Наконец Тине все это ужасно надоело. Голова ее раскалывалась, в ушах звенело, а сердце ухало, предупреждая, что долго в таком режиме работать отказывается.

– Как же так? – затила мысль нескончаемую жалобу.

– А вот так, – ответила ей Тина, – Кверху каком.

Мысль на какое-то время обиженно заткнулась.

Тина встала с кровати. Семь утра.

Ей хотелось убраться из этого дома как можно раньше, во всяком случае – до прихода дочери. Пусть сами разбираются. Не ее это дело. Ее дело сейчас – думать о себе. Иначе правда – настанет хана, самая что ни на есть настоящая.

Она напялила туфли, взяла сумку, сунула в нее свой лептоп с подзарядкой, телефон, айпед. И все. Гори оно синем пламенем. Ни о чем думать ей не хотелось. Надо было дотащиться до Кудринской. Вряд ли кто-то из бомбил возьмется везти ее на такое ничтожное расстояние. Или начнет отчитывать, или кланчить больше денег. В любом случае – придется вступать в какой-то лишний контакт. Нет, сейчас она на это не способна совсем. Надо идти пешком. Как раз хорошо поутру: никого особо нет на улицах. А кто есть, тот еще едва глаза продрал и плевать хотел на все вокруг.

Она отпирала входную дверь, когда ее окликнул муж.

– Тиша! А вещи? Ты когда придешь за вещами?

Первым побуждением ее было привычно отчитаться о неважном самочувствии и назначить дату переезда (денька через три-четыре, как в себя приду). Она, по сложившейся десятилетиями привычке, боялась его беспокоить домашними делами и проблемами. Но тут проснулась навязчивая мысль со своим неотступным вопросом и пропищала:

– Как же так? Как так можно?

На этот раз Тина не стала ее прогонять. Она развернулась, посмотрела мужу в глаза, которые он тут же отвел, и сказала:

– Я сюда не вернусь. А вещи мои ты сам упакуешь, закажешь перевозку, и мне их доставят.

– Но я могу на машине. В несколько ходок. Зачем на перевозку тратиться? – предложил Юра.

– Сам затеял, сам и потратишься, – четко произнесла Тина, – Никаких ходок. Пусть профессионалы доставят и разложат все, куда я велю.

– Хорошо, Тиша, – сокрушенно вздохнул Юра, – Жаль, не поняла ты меня. А ведь столько вместе прожили. И хорошо прожили!

Ей почему-то стало его очень жалко. Нет, не терять. Этой ночью она все поняла: он давным давно был потерян. Ей жалко было, что он так мало понял про жизнь. И что надеется прожить все отпущенные ему годы по своему велению, по своему хотению. А так не бывает. Это она минувшей ночью четко поняла. Дошло до нее, что так не бывает ни у кого из посетивших сей мир. Каждому причитается своя доля счастья и своя мера горя. Свою беду надо расхлебать во что бы то ни стало. А вот добавлять несчастья другому человеку – просто ради себя любимого – это дело опасное. Не простится такое. И вернется с удесятеренной силой. Вопрос времени.

Впрочем, ничего плохого она Юре не желала. Злости не было. Она даже удивилась себе: надо бы разозлиться, а нечем. Сил на это не хватило. А на жалость сил оказалось в избытке.

– Мне тебя ужасно жалко, – сказала она.

– Почему? – не понял он.

Он почувствовал, что нет в ее словах сожаления ни капли фальши, но был настолько счастлив, что искренне не понимал, как можно его, осуществившего свою мечту, жалеть.

– Я не знаю, почему. Просто жалко. Не могу объяснить.

Они пару секунд помолчали.

– Да, Тиша, ты не беспокойся, я верну тебе за квартиру половину первоначальной стоимости, – сочувственно-ласково пообещал Юра.

– Первоначальной? – эхом отозвалась Тина.

– Больше не смогу дать, – вздохнул муж, – Но если хочешь по суду – тогда придется все крушить, весь этот дом, обжитой годами. Хотя – твое право. Любой адвокат при разводе скажет насчет пятьдесят на пятьдесят, я понимаю.

– При разводе! – дошло вдруг до Тиши, – При разводе!

Ей, оказывается, предстоит развод. Вот гадость-то какая! Я люблю тебя, жизнь, но за что мне такая взаимность?

– Мне от тебя ничего не нужно, – сказала она мужу брезгливо, – Первоначальную стоимость – давай. Мне надо будет на что-то жить. И вряд ли в ближайшее время я что-то сумею сама себе добыть. Так что – валяй первоначальную.

Юра понимающе и радостно кивнул.

Тина повернулась было уходить, но вдруг вспомнила одну из назойливых мыслей, вертевшихся всю ночь в ее голове:

– На чужом несчастье счастья не построишь, запомни. Это – закон. А я несчастна. И очень.

Юра кивнул. Она видела: он не верил этим ее словам. Ему было все равно. Он своего добился: поговорил с постылой женой и устроил все так, как и предполагал. По справедливости.

– До свиданья, Тиша. Надеюсь, мы останемся друзьями. Все перемелется, и мы сможем проводить вместе время. Катя не возражает.

– Перемелется, – повторила Тина, – Перемелется.

И еще одна ценная мысль напомнила о себе:

– Божьи мельницы мелют медленно, но неуклонно, – проговорила Тина задумчиво, словно удивляясь каждому произнесенному слову.

Это не было пожелание зла. Потому что никакого зла в душе ее не было. Это так – в порядке размышления у нее вырвалось.

Юра и не думал тревожиться. Он явно ждал, когда она наконец уйдет.

– Да, – вспомнила Тина, – Вот: ключи. Мне они больше ни к чему.

Она положила связку ключей от своего бывшего дома на столик, открыла дверь и вышла.

Юра закрыл за ней и заперся на два замка.

– Тиша умерла, – сказала она себе, спускаясь на лифте.

– Но как же так? Как же так можно? – горестно запищала из самой глубины ее души главная мысль.

– Оказывается, можно все! – уверенно прокомментировала Тина вопросы своего внутреннего «я».

Вот, например, можно взять и выгнать человека из дома. Так нежно, мягко, незаметно и сострадательно. Нежными пинками.

Они ее вывели из дома, как мертвую сухую пчелу.

Пустой дом

На Кудринской было очень чисто, очень красиво, и вкусно пахло краской, не сильно, а в самый раз, чтобы почувствовать, что все вокруг новое и свежее. Надо было думать о том, на чем ей сегодня спать. Не на полу же в самом деле. У Тины имелась договоренность с мебельным интернет-магазином: достаточно было позвонить, и ей привезли бы со склада дубовую двуспальную кровать с ортопедическим матрасом, дубовый же рабочий стол с массивной столешницей и кое-что еще по мелочи. Эта покупка состоялась бы в том случае, если новые ее жильцы захотели бы поселиться в обставленной уже квартире. Ну что ж! Можно считать – жильцы появились. Вернее, один жилец. Тина зашла в бывшую родительскую комнату. Почти всю жизнь папа и мама прожили в одной комнате вдвоем. И им не было тесно. Ни разу не слышала Тина от отца рассуждения о свободе и требования обеспечить ему приватное пространство. И мама на тесноту не жаловалась. Кровать их стояла в нише, слегка из нее выступая. Родителям приходилось забираться на нее чуть ли не ползком. Зато вся комната была свободна для других вещей. И сколько же всего тут раньше стояло! Большой папин стол, которым и мама порой пользовалась, когда шила: ставила на него машинку, раскладывала выкройки. Еще было кресло, маленький круглый столик, книжные полки и стенной шкаф, в котором помещалось все-все: и одежда, и постельные принадлежности, и много чего другого. Тина решила, что сделает все примерно так, как было устроено у родителей. Кровать поставит в нишу, дубовый стол пригодится ей в будущем, когда у нее появятся силы что-то делать. Встроенный шкаф с матовыми стеклянными раздвижными дверями был уже полностью готов.

Тина набрала номер, по которому можно было круглосуточно заказывать приглянувшуюся мебель. Телефон долго не отвечал. Наконец сонный голос отозвался:

– Мебель де-люкс, слушаю вас.

– Простите, что рано, – сказала Тина, – но мне нужно срочно заказать кровать.

– Срочно – это как? – спросила мебель де-люкс.

– Срочно – это сейчас заказать, а вечером получить.

– Так не бывает, – послышался ответ.

– А мне обещали, у меня договоренность, – настойчиво проговорила Тина.

– Тогда называйте артикул. Если на складе есть, может, и доставят. Только если не в центр. Нам на грузовиках в центр только после двенадцати ночи можно.

– Именно что в центр, – пожаловалась Тина, – Но до двенадцати я потерплю. А потом уж никак. Мне спать совсем не на чем.

– Что ж вы так дотянули? – хмыкнул голос, – Что ж вам всем прям все и сразу всегда надобится?

– Да я не тянула. И не собиралась. Меня муж бросил. Неожиданно. А в моей квартире мебели совсем нет, – объяснила Тина и заплакала.

Это были первые ее слезы с того момента, как Юра объявил ей, что не может жить во лжи. Она даже как-то обрадовалась им. Только остановиться не получилось.

– Стоп! – приказала трубка молодым мужским голосом, – Хорош плакать. Сейчас найду вашу договоренность. Как фамилия? И адрес?

– Ливанова Валентина, – сквозь слезы представилась Тина, – Садовая Кудринская...

– Нашел! – радостно прозвучало из трубки.

Тина зарыдала еще громче.

– Но я ж нашел, чего вы? – удивился парень, – Смотрите: стол дубовый – он готов, на складе имеется. Привезут вам сегодня ночью, раз спешка такая. Потом кровать: материал – тоже дуб, цвет – темный шоколад, размер метр шестьдесят на два тридцать, матрас ортопедический. Так? Они тоже на складе есть. Сегодня получите.

– Не так! – заплакала Тина пуще прежнего, – То есть – почти все так. Но размер кровати – не так. Я же теперь одна. Мне не нужно двуспальную.

– Ну вот! – огорчился продавец, – Но знаете – я бы советовал все равно двуспальную брать. Жизнь такая: сегодня вы одна, а завтра не одна. И что? Новую кровать заказывать? А на двуспальной и в одиночку удобно. Раскинетесь – и спите себе. И привезли бы сразу. Вместе с дубовым столом.

– Мне еще стулья к столу нужны. Четыре штуки. Они точно есть. Я узнавала. Но кровать я двуспальную брать не буду. Я больше ни с кем и никогда! Понимаете? Это точно! Так что мне нужна такая же, но размер – метр двадцать в ширину. А все остальное – то же.

– А давайте мы плакать не будем, а? – мирно предложил мебельщик, – Я вот сейчас смотрю, что у нас есть из готового. Потому что если готового нет, надо на фабрику отсылать заказ, а они там за срок меньше недели и не возьмутся. Осень сейчас. Проснулись все мебель менять. Ну, смотрите: очень важная информация матрас как раз есть, какой вам надо. Единственный. Это уже большой плюс.

Тина перевела дыхание. Ей хотелось плакать еще сильнее, но было жалко доброго незнакомца, который явно нервничал, слыша ее рыдания.

– Меня вот тоже девушка недавно бросила, я же не реву, – сказал вдруг парень, – Тут ничего не поделаешь: жизнь. Кто-то теряет, кто-то находит.

Слышно было, как он стучит по клавишам, ищет, бедный, нужную Тине кровать.

– А почему она вас бросила? Вы такой хороший, – проговорила Тина дрожащим голосом, готовясь снова зареветь.

– Ну, она побогачешла, – отозвался парень, – Обидно было. Тоже – хоть плачь. Сейчас отошел. И вам полегчает. Только вот нет кровати такого размера. Заказывать придется.

Тина зарыдала во весь голос.

– Подождите, – вздохнул ее добрый собеседник, – Давайте мы вот как сделаем. Давайте я ровно в десять утра вам перезвоню. В десять откроется отдел сбыта на фабрике. Я у них спрошу, может, если есть матрас, они уже готовую кровать переделают для вас – с метра шестьдесят на метр двадцать. Хотя – там спинка у нее не из простых. Не уверен, что быстро смогут. И вдруг вы до десяти еще передумаете? Берите широкую, все тысячу раз поменяется, увидите. Потом еще жалеть будете.

– Нет. Давайте уж сузим. Никого и ничего я не хочу. Мне лишь бы спать на кровати лечь. И чтоб лежать и ни о чем не думать.

– Дело хозяйское. А только знаете – вот у меня мама в пятьдесят лет второй раз замуж вышла. В сорок два развелась и все плакала, что больше никого и никогда. А сама в пятьдесят поженилась. И вот уже четыре года живут и радуются.

– Какой вы хороший! – повторила Тина, – Спасибо вам. И маме вашей спасибо за такого сына.

– Я только еще предупредить хочу: если они возьмутся вам срочно заказ исполнять, могут надбавить за срочность. Тысяч пять переплатите. Будете заказывать?

– Конечно, буду! – возрадовалась Тина, – Лишь бы только они согласились.

На том и попрощались.

До десяти оставалось еще больше двух часов. Тине ужасно захотелось позавтракать, а потом лечь и уснуть. И спать себе, спать, без снов и лишних дум. Уснуть бы на год. Но сначала – позавтракать. Только это простое и легкое желание осуществить никак не получилось бы. Ничегошеньки в свежееотремонтированном доме не было из еды. Ни консервов, ни пачки макарон или гречки. Пустота. И даже чая-кофе не имелось.

– Ну и пусть, – сказала Тина, – Воду горячую попью и на голый пол лягу. Может, похудею зато.

Она наполнила водой щегольской чайник из нержавейки, он пискнул, загорелся красными огоньками, зашумел:

– Будет тебе, хозяйка, кипяточек, не горюй!

Кипяток показался ей ужасно вкусным – как это она раньше не пробовала пить просто горячую воду? Тина потихоньку, дуя в чашку, выпила все до дна, вздохнула и отправилась в спальню: спать. Она легла на пол и вновь удивилась: лежать было удобно. Родной дом словно учил ее самым простым радостям, о которых люди в погоне за удовольствиями и роскошью даже и не подозревали: вкусу воды, когда хочется пить, надежности крыши над головой, когда хочется чувствовать себя защищенным.

Она задремала, а проснулась от треньканья мобильного: добрый парень звонил, как и обещал, сразу после десяти утра.

– Вот вы плакали, а на самом-то деле я таких везучих и не встречал, – сообщил он Тине, – Я тут с людьми поговорил: все вам сделают, как заказываете: ширина метр двадцать – пару часов работы и готово дело. И, если хотите, привезут уже к обеду.

– А как же – грузовикам же в центр днем нельзя? – поразила Тина.

– С вашим заказом на «Газельке» поедут. Все туда поместится. Оплатить доставку только придется. Так-то она у нас бесплатная. Подтверждаете?

– Да! – восхитилась она, – Конечно! Заплачу, сколько скажете. Мне все равно. Хочется на своей кровати спать, и плевать на все.

Парень назвал сумму доплаты и спросил: «Пойдет?».

– Без вопросов, – согласилась она.

– Тогда в час – час тридцать ждите. И не горюйте. Все будет хорошо. Вот увидите.

– Хорошо, когда на кровати спать можно. Это уже очень-очень хорошо! – заявила Тина, – А больше я ничего и не жду.

Жизнь и правда налаживалась.

Она снова легла на пол и решила, что полежит часик, а потом встанет, умоется, пойдет в банк и снимет деньги с их общего с Юрой счета: ей тут еще много трат предстоит. Купит какую-то еду и... Что еще надо? Да много чего! В доме нет ни полотенец, ни простынь, ни подушек, ни одеял. Ничего нет вообще. И ей не во что переодеться, и куска мыла нет, и щетки зубной. Обо всем думать заново. Как после пожара.

Все у нее сгорело в пылу Юриных страстей. Пожар чужой любви. Это нормально, да?

– Как же так? – подтвердил писклявый жалобный голосок, – Как же так?

– Не мы с тобой первые, не мы последние, – сказала голоску Тина.

– А мне плевать, – пропищал он, – Мне плевать, какие мы по счету. Я все равно не понимаю: как же так!

– И никто не понимает, – вздохнула Тина, – И будем с этим жить.

Она стала думать о Лушке, о том, что та ближе к отцу, что в последнее время они вообще как-то отдалились друг от друга. У Лушки все впереди. А у нее – все позади уже. Совершенно позади. И как это все вдруг произошло! Внезапно. Была маленькая девочка, мамин хвостик, болтали вместе часами, мечтали, смеялись. А потом маленькой девочке надоело быть с мамой – вполне естественно, это жизнь. И девочке надоело, и папе девочкиному надоело. И осталась мама одна. Сухая ветка. Тине ужасно захотелось оказаться в объятиях своих собственных мамы с папой. Прижаться бы к ним, вдохнуть родной запах, почувствовать их тепло, захныкать – пусть гладят по головке, утешают, нежат.

– Господи! – воскликнула она, – Господи! Хоть бы фотографии их догадалась с собой захватить! Все осталось там! И когда только вернется!

Она зажмурилась и стала представлять лица родителей. У нее долго не получалось. Ни лица, ни даже смутные очертания не возникали пред внутренним взором. Тогда она попыталась просто поговорить с ними.

– Вот, мам-пап, видите, как получилось. Осталась я совсем одна. Ни родителей, ни мужа. Как же так? И это называется – жизнь? Вот так вот одной вдруг остаться?

Родители не отзывались ни в какую, хотя прежде случалось, что они появлялись ниоткуда, что-то нашептывали ей, утешали и даже советовали. Тина поняла: они тоже настолько ошарашены случившимся, что у них просто нет слов. Ей захотелось вспомнить, как мама или папа предостерегали ее от замужества с Юрой, как советовали приглядеться. Но как вспомнить то, чего не было? Никто за всю жизнь слова плохого не сказал ей о муже. Всем он нравился. И все тут. Все его любили. Так что – не получится утешиться тем, что «а мама предупреждала». Поэтому лучше уж было встать и выползти на улицу. Хочешь – не хочешь, а надо.

У продуктовой палатки она поняла, что не сможет есть вообще. Все щедрые дары прошедшего лета: бакинские помидоры, виноград всевозможных цветов – от желто-белого до почти черного, петрушка, мята, укроп, базилик, кабачки и многое-многое другое, что прежде так вдохновляло Тину, радовало глаз, сейчас попросту отпугивало, казалось чем-то чужеродным в ее черно-сером страшном мире. В итоге она заставила себя купить бородинского хлеба и пачку чая. Просто про запас, как она объяснила самой себе, чтобы что-то дома было, если есть все-таки захочется.

Вытаскивая деньги из банкомата, она вдруг снова поразилась. Юра сказал, что вернет ей половину первоначальной стоимости их квартиры. Противно до рвотных спазмов было думать на эту тему. Во-первых, какой же душой бессловесной он ее считает – изучил за все эти годы, понятное дело. Уверен, что она пожалеет разменивать любимый ею общий дом. А во-вторых, хорошо, даже если он собирается ей вручить первоначальной стоимости половину. Это же все равно не тыщу рублей вернуть. Это серьезные деньги. И как-то он их собрал за этот год. Тихой сапой собрал. Она складывала все, что ей удавалось заработать, на их общий счет. Он тоже вполне исправно его пополнял. Но о чем-то, весьма существенном, ухитрился умалчивать. Как же он изменился!

– И кто бы мог подумать, что он на такое способен? – заныл снова писклявый внутренний голос, – Кто бы мог подумать?

– Какая разница, кто мог подумать, а кто не мог? – злобно ответила самой себе Тина, – Главное не в этом. Главное: как теперь жить. Просто: как жить – и все. А ведь много лет еще жить придется! Лет двадцать-тридцать, как минимум. И в сплошном ужасе и тьме. Что ж! Пожила счастливой до сорока пяти лет, а теперь остаток жизни будешь платить слезами за свое предыдущее счастье.

Ей, конечно, не хотелось верить, что так и будет. И вообще – лучше было бы не думать ни о чем: ни о будущем, ни о прошлом. Жить шажок за шажком. Сейчас цель ее жизни: дожидаться, когда привезут кровать, матрас, стол и стулья. А потом? Потом – лечь на кровать. А белье, подушки? Ехать за ними в магазин, выбирать. Нет. На это сил нет. Так просто лечь. Все же удобнее, чем просто на полу. А во что переодеться? Хороший вопрос! Даже чтобы постирать в машине, нужен порошок. Чтобы умыться – мыло. И все такое прочее. Без этого – никак! Она заставила себя зайти в супермаркет и купить самое необходимое. Потом потихоньку, мелким шаркающим шагом поковыляла к дому. Старая, страшная, никому не нужная уродина.

Мы-а-мы-а!!!

Как бы она обрадовалась новой мебели! Бы! Хитрая какая частица, говорящая о несбыточном. Еще меньше суток назад она бы обрадовалась... Неужели прошло меньше суток? Не может быть! Целая вечность – вот, сколько прошло времени. А за вечность человек меняется о-го-го как! До полной неузнаваемости. Была хохотушка-молодушка, а стала сирая старушка. По Катиному велению, по Юриному хотению.

Как там Лушка? Хоть бы позвонила! Хоть бы вообще кто-нибудь позвонил! Но телефон молчал. Удивительно – ни одного звонка за полдня – такого у нее никогда не было. Как сговорились все. После того, как ее доставили мебель, в квартире воцарилась гробовая тишина. Тина закинула в стирку все, в чем была, накинула вместо халата все тот же плащ с капюшоном и улеглась на матрас. Удобно! Что еще для счастья надо? Хлеб есть, вода есть, крыша над головой есть. И это основа человеческого довольства. Так всегда говорила мама. А до нее бабушка. А Тина, дура, им не верила. Думала, они это в воспитательных целях твердят. Оказалось, совсем не в воспитательных. А правда – кусок хлеба, стакан воды, кровать для сна и чувство защищенности. То есть – уверенность в том, что жилище твое у тебя никто не отнимет, не выгонит тебя на улицу. Сказал бы Тине днем раньше, что ее могут выгнать из дома на улицу, она бы хохотала до колик. Как это – выгнать на улицу? И человек сам, своими ногами уйдет, когда его станут выгонять? Прямо так вот – позвольте вам выйти вон! И он пошел. Ну, не бывает так. Оказалось: еще как бывает. Раз – и пошел. И всем плевать на это. Без всяких шуток. По правде.

Так она думала, думала и уснула. Сморилась все-таки.

Она крепко спала в родительской нише, той самой нише, в которой ее и зачали любящие друг друга отец с матерью. И сейчас – не было лучшего места на всем белом свете, где она могла бы укрыться от обступившего ее ужаса.

А потом... Потом кто-то лег рядом, привалился к ней всем телом, обнял и стал тихонько шептать:

– Мы-а-мы-а! Я с тобой, моя мамулечка! Бедненькая моя крошечка!

Мы-а-мы-а – это были их с Лушкой позывные. Когда в пять лет дочка начинала читать, получалось это у нее, как у толстовского Филипка: она складывала названия букв в слова, делая это очень-очень быстро. Звучало это невероятно смешно: вместе «мама» ребенок произносил «мы-а-мы-а», вместо «папа» – «пы-а-пы-а». Все смешные слова со временем как-то порастерялись. Осталось только любовное «мы-а-мы-а». Пароль в мир их любви.

Тина открыла глаза, увидела притулившуюся к ней дочку и почувствовала себя живой.

– Лушенька! – всхлипнула она.

– Не надо, мамуль! Пожалуйста, не плачь! Пожалуйста! А то я сама жить не смогу! – зашептала дочь быстро-быстро.

Тина поняла, что должна всеми силами держать себя в руках, иначе дочь ее станет панически бояться жизни. Нет-нет, надо было крепиться и не показывать всю глубину своей смертельной раны.

– Он тебе сказал? – стараясь говорить спокойно, спросила она.

– Сказал, – кивнула дочь, – Еще как сказал! Представь, я утром на занятия поехала. Звонить не стала. Боялась, ты заругаешься, что домой не зашла. Прости меня, мамуль. В общем, возвращаюсь. Голодная, как зверь. Открываю дверь, дома все вверх дном. Какие-то узлы. Вещи зимние разбросаны. И среди всего этого чужая тетка шурует. Я подумала, что ты уборку затеяла, что ли, а ее наняла помочь. И тут отец вылезает. И говорит...

Луша судорожно вздохнула, переводя дух. Тина насторожилась. «Неужели? – подумала она, – Нет! Не может быть!»

– И говорит, мам, – собралась с силами дочь, – Говорит: вот, мол, знакомься, Лукерья, это – моя новая жена! У меня вообще мозг вынесло. Я сначала подумала, что он так надо мной прикалывается. Вызвал домработницу, а со мной в драмтеатр решил поиграть. Я тебя позвала. Закричала, что есть хочу. А эта гадина мне руку протягивает и говорит: «Катя». Как в страшном сне. Я на папашу смотрю, а он на полном серьезе мне показывает, чтобы я свою руку ей протянула. Я у него спрашиваю, чего это он устраивает мне такое: вечером поздним была одна жена, а сейчас другая. Что это за шутки юмора. Где смеяться начинать? И он начинает рассказывать, что эта баба – типа – его первая любовь, что они решили быть вместе, что никогда не поздно обрести свое счастье. Ну, и все такое, как положено. Погнал пургу про чувства, про остаток жизни в настоящей любви... Буэээ. Меня блевать потянуло. Я его спросила, где ты. Он сказал, что на Кудринскую ушла, там жить будешь. А я, мол, могу выбирать, где мне лучше: с ним или с тобой. Он вот вещи твои соберет, тебе отправит, и сразу после этого его новая жена заживет с ним. Но, говорит, моя комната останется за мной, если я решу не уходить.

– Мы же не развелись еще, какая новая жена? – не выдержала Тина.

– Вот и я ему о том же сказала, когда первый шок прошел. А он мне стал вещать про невидимый град любви, который существовал в их сердцах четверть века, а потом воплотился во что-то там такое... Ну, что они фактически четверть века были незримыми мужем и женой. Поэтому он с полным правом... Ну и все такое.

– Романтично, – согласилась Тина, – Прямо хоть оперу пиши.

– Мам, ты как? – спросила вдруг Луша.

– Догадайся с трех раз, – вздохнула мать.

– Мне даже думать о тебе было страшно, ма. Я себя почувствовала, как будто меня чем-то тяжелым по башке офигачили. А ты... Бедненькая моя.

– Ничего. Больной скорее жив, чем мертв, – постаралась улыбнуться Тина.

– И правильно! Мы выдержим! Ты только пережди сейчас, когда в голове все уляжется. И дальше заживем.

Лушка давала советы, как многоопытная искусница в сердечных делах.

– Так что ты решила? Где будешь жить? С кем? – не удержалась Тина.

– Муля! Ты у меня глупая маленькая мы-а-мы-а, да? Чего ты спрашиваешь? Конечно, с тобой! Не с новой же нашей женой! – снисходительно улыбнулась дочка, – Но только знаешь, канаты я рубить не собираюсь. И пусть они со своим невидимым градом немного пообомнут. И ты зря вот так вот встала и пошла. Себе хуже делать нельзя ни в коем случае. И всяким чужим бабам жизнь облегчать – это с какой стати?

– А как же мне было не уйти? – жалобно проговорила Тина, – Я там и так чуть не умерла.

– Нельзя было уходить, мам. Не умерла бы. Надо было с силами собраться и оставаться в своем доме. Но теперь уж что. Ушла. ладно. А я не уйду. Я ему, кстати, сказала, что комната моя, моя и будет. И учти: разводиться будете через суд, а не через загс. И половину квартиры по закону ты оставишь себе. Это ваше с папой совместно нажитое имущество.

– Квартира на него оформлена, – вяло откликнулась Тина.

– А это без разницы, на кого что оформлено. Вы ее приобрели в период вашего супружества. Тут и думать нечего.

– Луш, он мне обещал вернуть за квартиру половину первоначальной стоимости, я согласилась. Мне же на что-то надо будет жить, – дрожащим голосом сообщила Тина.

– Найдем, на что жить. Это не вопрос. Вопрос, чтобы все сделать по закону, а не по чьему-то хотению. Любой суд тебе присудит половину. И не о чем рассуждать даже.

– И что? Разменивать квартиру? Продавать? Жалко же. Ты ведь знаешь, кому до нас принадлежал этот дом. Это культурное достояние. Я вот сейчас вдруг поняла, что мне наказание послано...

– Какое еще наказание, мам? Ты чего – возмущенно отозвалась дочь.

– Наказание за то, что мы заселились в доме, который нам не принадлежал, – обреченно продолжила Тина.

– То есть как? Вы не заплатили за сделку? Обманули продавца? – насторожилась Лукерья.

– Да ты что! Боже упаси! За все заплатили. Не торговались даже. Да они много и не просили. По минимуму. Но, получается, мы воспользовались чужой бедой... И вот – дом мне теперь и отомстил.

– Что за бред! – возмутилась Луша, – Какая беда? Решили люди свалить из страны – их выбор, их право. Взрослые нормальные люди. О чем ты, мам? Что за фантазии?

Тина скорбно промолчала.

– Давай про наказание тему закроем, ладно? – продолжила дочь. – У папы переходный возраст, ему гормоны мозг вырубili. Я его люблю, какой ни есть. И именно поэтому не дам ему лишний грех на душу взять. Ты забереешь то, что тебе причитается. И сделаешь это ради меня. Понимаешь? Тебе надо, чтобы чужая тетка наш дом разорила? Это ты считаешь справедливым и правильным? А я? Я в том доме выросла, я его люблю, мне там хорошо. Если тебе эта половина не нужна, то мне пригодится. После раздела имущества можешь оформить ее на меня. Я не обижусь. А там видно будет. Пусть квартира стоит единая и неделимая, пусть они там живут, но пусть Катя знает, что полноправной хозяйкой дома ей не бывать. И комната моя будет за мной числиться не по чьей-то милости, а по закону. И еще одна комната, твой кабинет, тоже пусть за тобой остается. Им и в двух комнатах не тесно будет.

– Может, потом об этом поговорим? – слабо спросила Тина, – я просто не готова, мне больно. Все так неожиданно произошло. Пойми меня.

– Что неожиданно – это я понимаю. А кому не неожиданно? Я тоже, знаешь ли, не планировала. Но ты не увиливай. Мы этот вопрос сейчас с тобой решаем. Прямо тут. И дальше – действуем, как договорились. Самой же потом приятно будет. Охота тебе всю оставшуюся жизнь жертвой себя чувствовать?

– А из тебя вырос настоящий юрист, – с улыбкой глядя на дочь, проговорила Тина, – Хищный служитель закона.

– Выросло то, что вырастили, ма. Сами же мне в юридический советовали идти. И служитель вовсе не хищный, а просто справедливый. Все же прописано. Есть пункт – надо его исполнять. Только и всего. А захочется тебе благотворительностью заняться, выберешь не Катю, а совсем другой объект, более подходящий.

Дочь была права.

– Соглашайся, – пропищал внутренний голос, – А то – как же так? Как же так можно? Что же это творится на белом свете?

– Ты меня убедила. Я сделаю, как ты советуешь, – произнесла Тина, обнимая дочь и целуя ее.

– Ну вот! Другой разговор! – улыбнулась ей Луша, – Мам, я там две сумки приволокла: одежду тебе на первое время и еще кое-что. И знаешь – я ужасно, зверски голодная. Я же так дома и не поела! У нас тут есть что-нибудь?

– Хлеб. Черный, – ответила Тина, – И чай. Я думала, что больше никогда есть не захочу.

– А я думаю, что помру сейчас, – пожаловалась дочка.

– Может быть, выйдем, поужинаем? И ты не умрешь. И я тоже.

Тина почувствовала, что оживает. Ей вдруг жутко захотелось есть. И еще – выпить бокал вина. Сидеть в приятном ресторанчике, болтать с дочкой о чем угодно и чувствовать себя живой.

– Давай скорее! – велела дочь, – Одевайся по-быстрому.

Через четверть часа они уже изучали меню, удивляя официанта своими аппетитами.

Вернувшись домой, Тина обнаружила в одной из сумок, что приволокла Луша, несколько альбомов с фотографиями. Ну и девочка! Ну и умница!

– Дочь! Ты – самая лучшая дочь на свете! Я, когда тут одна валялась, больше всего жалела, что не могу на родителей посмотреть. И на всю свою жизнь.

– А я, мам, так и почувствовала. Думаю, нечего этой Кате на бабушку с дедушкой глазеть. А то полезет ведь шарить. Она такая. Глазки цепкие.

– Но как же ты такую тяжесть тащила?

– Такси вызвала. Только и всего.

Они улеглись спать вдвоем. Когда-то маленькая Лушка, если у нее никак не получалось уснуть, просилась к родителям под крыло. Она забиралась под одеяло между отцом и матерью и тут же засыпала. Юра умилялся и шептал, что это и есть счастье. Сейчас Тина чувствовала себя защищенной, лежа рядом со взрослой дочерью, уснувшей, как только оказалась на кровати – без подушек, одеяла, простыни, на прекрасном ортопедическом матрасе. Дочь посапывала, как маленькая, и под это легкое сопение Тина легко уснула вместе со своим горем и безнадельностью.

Нос у ладони

Этот их совместный выход в ресторан произошел по инерции прежней жизни. Потом потянулось странное время. Тина существовала, плохо понимая, зачем. Больше всего на свете ей хотелось лежать, закутавшись с головой в одеяло, и ничего-ничего не знать про то, что происходит вокруг. И еще ей не хотелось думать. Она впервые в жизни поняла алкашей. Счастливые! У них одна цель: напиться до бесчувствия. Зальют они свою жажду и ничего больше не хотят. Она бы тоже пила, если бы не ее дурацкий организм, который реагировал на избыток выпитого однозначно и бурно: ее немедленно начинало выворачивать. Таким образом – никаких приятных ощущений она не получала совсем, а неприятных наваливалось хоть отбавляй. Бокал вина – вот была дозволенная организмом доза. Но бокалом разве напьешься!

Спала она урывками, когда получалось. Ночью не получалось почти никогда. Ночью ей делалось невероятно страшно. Объяснить, чего она боялась, не получалось. Просто ледяной страх поселялся в животе и терзал, расползаясь по всему телу. Тине невероятно мерзла и под пуховой перинкой, и в шерстяных носках, и в теплом свитере. Всю ночь в ее комнате работал телек: под звуки спокойных неживых голосов подкрадывалась иногда блаженная дрема. Ей постоянно и неизменно снилось одно и то же: все у нее хорошо, как прежде, она обнимается с Юрой, смеется блаженно и говорит:

– Представь, мне такая жуть сейчас приснилась! Как будто ты от меня ушел!

Юра улыбался, с любовью глядя на нее, и отвечал:

– Глупышка!

Она ждала, что вот-вот он ее поцелует. Но вместо этого просыпалась, как от грубого толчка, и понимала, что ничего, о чем она только что говорила Юре, не приснилось: все самое несбыточное и страшное – это и есть ее настоящая жизнь, а все прекрасное случается отныне только в снах, которым ни в коем случае нельзя верить.

Тина приспособилась жить по новому распорядку. Рано утром она ехала в свой храм, где они когда-то с Юрой повенчались. В семь утра начиналась литургия. Тина не всегда могла выстаивать всю службу. Она садилась, как старушка, на скамеечку у теплой батареи и старалась молиться, не отвлекаясь на пустые мысли. И горячее всего молилась она о кончине «живота своего» – о христианской кончине, «безболезненной, непостыдной, мирной» и о добром ответе на Страшном Божиим суде. После этих слов она всегда начинала потихонечку плакать, жалея себя и всех сирых и убогих людей на свете.

После Причастия ей неизменно становилось легче, она ехала домой и делала какие-то домашние хозяйственные дела, ухитряясь не включать телевизор. Потом она даже немного спала. Но в сумеречное время ей опять становилось тяжело, невыносимо тяжело. И главное: не было слез. И она не знала, куда приткнуться, чем отвлечься. Неужели так теперь и будет всю оставшуюся жизнь? – спрашивала она себя.

Время-то шло, но легче не делалось.

На праздник Покрова она, конечно же, была в храме, жаловалась батюшке на невыносимую тяжесть и безысходность. Духовник велел молиться и обещал, что облегчение наступит. Обязательно. Надо только набраться терпения и решимости. И спокойно ждать. А вот это и было самое трудно.

Терпения не было. Решимости тоже. Цели – ровным счетом никакой. Только Лушка, с ее болтовней, шутками-прибаутками и кажущейся беззаботностью возвращала ее временами к жизни.

С такими думами возвращалась она в тот день из храма. По дому делать ничего нельзя было: праздник. Да и дел особо никаких не предвиделось, в квартире царила безжизненная

чистота. Дочка ночевала то тут, то там. Тина старалась делать вид, что она в порядке, приходит в себя потихоньку. Лушке и так приходилось несладко: такие испытания, как развод родителей, бесследно не проходят.

– Лягу сейчас спать, – говорила Тина сама с собой вслух, – Посплю подольше, а там видно будет.

Двор был пуст. Самое тихое утреннее время: все работающие уже на работе. Все учащиеся – в учебных заведениях. А старики и младенцы едва-едва просыпаются. Тина даже подумала, не присесть ли ей на лавочку на детской площадке, но потом решила, что лучше идти напрямик домой.

– Раньше на Покров снег ложился, – сказала себе Тина, – а сейчас – ничего. Сухо. Все поменялось. И все – к худшему. Природе стало наплевать на нас. И нам друг на друга тоже.

Внезапно что-то ткнулось в ее руку. Не сильно, но настойчиво. Она даже вздрогнула. Никого ведь нет вокруг. Но что-то живое идет рядом и дышит прямо ей в ладонь. Ей страшно было взглянуть. Почему? Что она боялась увидеть? «Оно», как у Стивена Кинга? «То самое, непонятное»?

– Все самое страшное с тобой уже приключилось, – усмехнулась Тина, – так что бояться потустороннего «этого» не имеет смысла.

Она опустила глаза и увидела большой черный нос у своей руки. Крупная неуклюжая псина тащилась рядом, еле-еле двигая ногами. Тина остановилась. Нос еще сильнее уткнулся в ее руку.

– Бедная собака, – сказала Тина, – у тебя нет дома. И ты голодная, да? Но у меня нет ничего для тебя: видишь – пустые руки. Я не знала, что тебя встречу.

Псина все поняла, но не уходила. Стояла рядом. Тина сделала шаг к подъезду. И собака сделала шаг. С трудом, но сделала. Умные глаза молили: «Не бросай Помог!» В прежней своей жизни Тина ничего не смогла бы прочитать в этих огромных глазах. Повернулась бы и ушла, жалея, конечно, неприкаянное существо, но жалея мимолетно и бездейтельно. Не в дом же ее вести в самом деле? Тогда, в той жизни все горе мира существовало за незримой, но непроницаемой стеной. Где-то с кем-то что-то случалось, да. Но далеко, очень далеко. И главное, казалось: не подпускать. У нее ведь была семья: муж, дочь. Их покой и удобство – прежде всего. Остальное – далеко, как пустыня Сахара или вечные снега на вершинах Гималаев.

Но прежняя жизнь скончалась месяц назад, и за это время Тина, оказывается, стала чувствовать чужую боль, как свою. Во всяком случае собачью боль она вдруг ощутила со всей остротой.

– Дай-ка я погляжу, что с тобой, – сказала она собачине.

Та стояла и ждала. Надеяться ей, видно, было больше не на кого. А ее собственные силы и возможности явно равнялись нулю.

Тина обошла собаку и ужаснулась: на правом боку вся шерсть несчастного животного была сожжена, несколько ран на черной коже кровоточили. Смотреть на это раньше она бы себе не позволила: тьфу-тьфу-тьфу, не моя болячка. Но сейчас она понимала, что придется действовать, помогать, иначе грош ей цена с ее болью и собственными страданиями. Она дрожащими пальцами потыкала в телефон, отыскивала номер скорой ветеринарной помощи и вызвала на дом врача, назвав свой адрес.

– Пошли домой, – велела она псине, – Сейчас доктор Айболит примчится, будет тебя лечить. Ты дойдешь сама? Постарайся. А то я тебя не донесу.

Собака понимающе посмотрела и, как показалось Тине, слегка кивнула. До подъезда они шли минут десять. Каких-то пятьдесят шагов! За эти десять минут Тина внимательно разглядела страдальцу. Бродячие псы легко определялись по грязно-рыжему окрасу, приземистости и общему ощущению звериной дикости, от них исходящей. Этот найденыш если и был ничьим, то в первом поколении. Крупная, лохматая, черно-белая, с небольшими рыжими пятнами –

сенбернар в ее роду явно присутствовал. Скорее всего случилось непредвиденное, породистая мать родила неизвестно от какого папаша. Щенков раздали. Или выбросили? Мог, конечно, и породистый папаша постараться. Впрочем, это вопрос не главный. И вообще никакой. Им надо было шаг за шагом приблизиться к подъезду. И как только они это сделали, подъехала скорая.

– Вы к нам, – сказала Тина ветеринарам, вышедшим из машины, – Мы старались домой попасть, но не успели.

– А мы почему-то без пробок доехали, – удивился звериный доктор, – обычно в пробках стоим в это время, а тут долетели, как на крыльях.

Он мельком глянул на пациента, к которому был вызван и постановил:

– Бродячая?

– Да, – кивнула Тина, – но не беспокойтесь. Я за все заплачу. И... я потом ее у себя оставляю. К себе возьму.

– Это если мы еще на белом свете жить останемся, – задумчиво сказал врач, присаживаясь на корточки перед псиной, чтобы получше рассмотреть раны, – Тут люди хорошо постарались: и жгли, и пинали, и кололи. Странно, что глаза целы. Люди любят глаза выкалывать и лапы псам ломать...

– Нелюди, – ахнула Тина.

– Люди, – поправил ее опытный доктор, – просто люди.

На носилках внесли псину в ее новый дом. Зашили раны. Взяли анализы. Сделали несколько уколов.

– Бок может так и не зараст: видите, ожоги какие. Хотя бродяги – они живучие. Почувствует, что домой попала, смысл жизни обретет и воспрянет духом. Посмотрим. И если все будет хорошо, прививки надо поскорее сделать, – велел врач, – Девочка молоденькая, не больше года ей, зубы в прекрасном состоянии. Подкормится, успокоится, пролечим – красавица получится всем на зависть. Только шерсти много от нее. Вычесывать умеетесь. Но задача номер один – выжить. Да, собакин?

Девочка чуть-чуть вильнула хвостом. Изо всех сил постаралась.

– Сейчас уснет и спать будет долго. Вы пока в аптеку сходите, купите все, что я тут написал. И давайте, будьте здоровы!

Тина взялась выхаживать, лечить, кормить, вычесывать. Лушка помогала, что было сил. Через месяц никто не узнал бы в красавице-псине прежнюю полумертвую доходягу. Долго не могли подобрать ей имя, пока однажды собака не подошла к Луше, создававшей какую-то очередную курсовую, и не положила свою увесистую лапу на клавиатуру лэптопа.

– Эй, кыш! – услышала Тина возмущенный голос дочери, – И больше – ни-ни! Ты мне так всю клавишу порушишь! Поняла?

Тина заглянула в комнату дочери. Собака стояла, понуро опустив бедовую голову. Стыдилась.

– Ма! – принялась жаловаться Лушка, – Она со всей силы – мне на клавишу...

Дочь на секунду задумалась и воскликнула:

– О! Я знаю, как ее назвать! Ты же Клава! Вылитая Клава! Клавдия Валентиновна! А? Как тебе, мам?

Имя село, как влитое. Под этим именем ее и записали, оформляя ей собачий паспорт.

Клава оказалась лучшей подругой, выносливой, терпеливой, в меру проказливой и очень чистоплотной. Даже в самые тяжелые первые дни своей болезни она просилась по утрам и вечерам во двор, чтобы сделать свои дела. И во время купания в ванной никогда не отряхивалась, а терпеливо ждала, когда ее протрут полотенцем. Хотя во дворе, бегая по лужам, отряхивалась во все стороны так, что прохожие шарахались. Клава обожала своих и опасалась чужих. Осо-

бенно парней-подростков. Проходя мимо них, она страшно скалила зубы и утробно рычала, предупреждая, что шутить с ними не намерена.

Очень быстро обнаружилось, что Клава – персона удивительно музыкальная. Она обожала слушать музыку, а особенно полюбившимся мелодиям старалась подпеть в меру своих возможностей. Слушая Моцарта, она слегка подтягивала тоненьким манерным голоском. Баху тихонько задумчиво подвывала. Под звуки произведений Чайковского принималась кружиться по комнате, а на Прокофьева лаяла, просто и энергично. Правда, Тине об этом рассказывала дочь, слушавшая классику в отсутствие матери. У Тины после крушения ее семейной жизни с музыкой складывались странные отношения.

Еще Клава очень любила звонить в дверной звонок. Однажды Тина, убегая с ней погулять, забыла ключи и, вернувшись, позвонила в дверь, чтобы Луша открыла. У Клавы случился культурный шок. Она смотрела на кнопку звонка, видимо сопоставляя появление звука с тем, что предварительно сделала ее обожаемая мама-спасительница. Потом встала на задние лапы и носом нажала на звонок. Звук раздался! Клава взвизгнула от восторга, снова встала на лапы и нажала носом на кнопку. И снова послышался звонок!

– Ума палата! – восхитились члены ее семьи, – С первого раза разобралась!

После этого открытия ни одно возвращение домой не обходилось без нескольких триумфальных звонков в дверь. Что еще поражало Тину и Лушу: Клава никогда даже не пыталась звонить в чужие двери, хотя она наверняка видела, что повсюду имеются такие же, как у них, кнопки. Ее интересовала только собственная дверь и зов своего дома. Все остальное попросту не существовало.

Еще Клава любила смотреть телевизор. Если там показывали собак или кошек, облаивала их страшным лаем. Если слышала крики во время ток-шоу, принималась надрывно выть, заглушая слова. Соскучиться с ней было невозможно. Спала Клава всегда, вытянувшись вдоль Тининой кровати – охраняла.

Две вещи Клава не выносила категорически. При ней нельзя было плакать. Никак – ни молча, ни в голос. Клава впадала в такую панику и начинала так жутко рыдать и ухать, как, наверное, делают это привидения в старинных родовых британских замках. Добрые, старые, веками тренированные привидения. Хотя, если устроить соревнования между ними и Клавой, неизвестно, кому бы досталась пальма первенства. Иногда Тина плакала во сне: слезы сами собой лились из глаз на подушку. Клава, почувств эти слезы, вставала у кровати, как верный часовой, ложилась передними лапами на хозяйку и начинала шумно и часто дышать, словно воздух набирая для продолжительного воя.

– Все, все! Не волнуйся! – испуганно утешала ее Тина, зная, что своим воем Клава способна разбудить весь подъезд, – Все в порядке. Спи, пожалуйста.

Клава недоверчиво вглядывалась, обнюхивала Тинины щеки, потом укладывалась, ворча, рядом с кроватью, слушая всякие успокоительные и ласковые слова, которые шептала ей хозяйка.

Вторая невыносимая вещь для Клавы – одиночество. Если ее оставляли одну дома, девочка не в силах была сдерживать свою тоску и изливала ее, не жалея голоса. Соседи поначалу думали, что животное подвергается истязаниям. В отчаянии Тина придумала подарить Клаве собственный уютный домик. Собачью будку сотворила на заказ мастерица, которую порекомендовали в зоомагазине.

– Для болонок шью, для пекинесов шью, для такс шью, а для тебя, красавица, и подавно пошью, – приговаривала швея, явившаяся снять мерки для будущего Клавиного теремка.

Дом Клаве полюбился. Там она хранила свои игрушки, там грызла кости, не опасаясь, что отнимут, там спала днем, когда позволяла себе быть спокойной за свою обожаемую маму Тину. Иногда удавалось уговорить собаку посидеть какое-то время в домике, если все уходило. Час-другой Клава обходилась без воя и лая.

К тому же в жизни ее появилось небольшое количество людей, которым она могла слегка доверять. Конечно, не так всецело, как доверяла Тине и Луше, но немножко, с осторожностью.

Маленькими шажками

Клава, конечно, была для Тина ангелом, посланным ей по ее слезным молитвам. Вспоминая иногда их первую встречу, Тина пугалась: а что было бы, если бы она тогда ушла и оставила бездомное существо на верную погибель? Могла бы! Точно – могла бы. Чудо именно в том, что в тот раз не сумела. Догадалась о чем-то важном. Недаром встреча их произошла в день Покрова. Словно кто-то с высоты, приглядываясь к ней, испытывал:

– Ну что, девица? Услышишь ли чужую боль или все еще глуха и слепа к ней?

И после первых дней борьбы за Клавину, казалось бы, угасавшую жизнь, которые окончились их общей победой над собачьей болезнью, Тина почему-то подумала, что расставание их с Юрой – к лучшему, что без этого было никак не обойтись и что к этому все шло, причем давно. Ей полагалось прозреть много лет назад, но она сама не стремилась к обретению зрения и слуха. Жила в блаженной слепоте, уверенная, что все знает, понимает и находится в полной безопасности. Так бы дура душой и померла, ничего в жизни не поняв. Так что – спасибо Юре, выходит. Хорошо, что с его помощью она прозрела и, если выкарабкается из этой переделки, сможет зажить по-другому, многое чувствуя и многого не боясь.

Пока же шла она по жизни маленькими шажками, думая только о том, как прожить один день, от утра и до вечера. Она шла по каждому дню, как младенцы ходят, которые только учатся ходить: осторожно и внимательно глядя вперед, не отвлекаясь от главного.

Она старалась не думать о прошлом. И вообще не представляла себе будущего. Стоило по привычке подумать о том, что бы ей хотелось предпринять следующим летом, как внутри нее раздавался удар хлыста:

– Что может быть с тобой следующим летом? Ничего не будет следующим летом! Ничего и никогда с тобой больше не будет. Доживай и не смей фантазировать.

Она пугалась этих жестоких мыслей до слез. И плакать боялась из-за Клавы. Будущее закрылось, как сказочный ларец – за семью печатями. Но прошлое иногда вспоминалось. Причем каждый раз в воспоминаниях открывалось что-то новое, что она вполне могла бы увидеть и раньше, но почему-то не видела.

Ну, вот, например, последние годы – не год, а именно годы, муж не называл ее по имени. Вообще не называл. Как же он к ней обращался? Как у него получалось? А совершенно безлико:

– Хорошо бы сделать то-то и то-то... Я бы хотел того-то... Мне нужно... Не забыть бы...

Он же словно сам с собой разговаривал, догадалась Тина. Она для него как бы и существовать перестала! Эта существенная деталь, такая явная и однозначная, открылась ей только после их расставания. А открылась бы раньше – и что? Что-то бы изменилось?

– Надо было самой уйти от него. Увидеть все, понять и уйти. Без сожаления, – заявлял ей жестко внутренний голос.

Но другой, писклявый паникер, насмешливо хмыкал:

– Как это уйти? Кто ж так делает? Как это можно из-за любой ерунды – сразу уйти?

Ужасное озарение принесло ей воспоминание об их греческих днях – последних, как потом оказалось, супружеских днях. Как он дочитал своего толстого Пруста на французском, закрыл книгу и почему-то многозначительно взглянул на нее, Тину. Она увидела в этом взгляде гордость: много лет читал и вот – осилил! А она еще спросила, что же он теперь будет делать, за какую книгу возьмется. И он опять многозначительно помолчал. Теперь-то она отчетливо понимала всю пошлую сущность тогдашнего эпизода. Он своим долгим молчанием словно сообщал ей, что не только эта книга прочитана и закрыта. Он вполне готов был сообщить ей о том, что собирается закрыть книгу их совместной жизни. Она вся для него –

изученная, прочитанная вдоль и поперек, скучная и постылая. А новая книга уже на подходе. И нетерпеливо ждет своего часа.

Почему он тогда ничего не сказал? А просто не решился. И отдых себе же не хотел отравлять. Слезы, упреки. И как потом лететь домой, если она неадекватно отреагирует? Понятное дело, лучше было дожидаться возвращения. А так – жалко. Красиво могло бы получиться. Закрыв бы своего Пруста. Она бы спросила, что же будет потом. А он бы ответил:

– Грядет эпоха больших перемен, Тиша. Я не просто книгу закрыл. Я ухожу от тебя в другую жизнь.

Что-то вроде этого. И потом в интервью бы пригодилось. Тина была уверена, что он, мастер всяких глубокомысленных интервью, обязательно упомянет дочитанного Пруста при первом удобном случае.

Однажды, вспоминая о прошлом, Тина испытала подобие озарения. До нее вдруг дошло, что эта история с Катей – отнюдь не первая в Юриной жизни. Он и прежде изменял жене, только намерений покинуть семью тогда не возникало. Сейчас ей стало понятно все. И как однажды, лет десять уже назад, какая-то девушка у подъезда спросила ее, в какой квартире живет Юрий Ливанов. И Тина удивленно спросила:

– А вы по какому вопросу?

– По личному, – огрызнулась девушка, но потом вдруг спросила, – А вы его знаете? Знаете номер квартиры?

– Конечно, знаю, – усмехнулась Тина, – еще бы мне не знать!

У девушки по лицу словно судорога пробежала:

– А вы кто? – выкрикнула она.

– Я – жена Юрия Ливанова, – внятно и с достоинством представилась Тина. – Так что вам угодно от моего мужа?

– А разве он женат? – ахнула девица.

– А разве нет? – шутливо отозвалась супруга.

Девушка вдруг повернулась и побежала. Понеслась стремглав, не разбирая пути.

Тина потом, смеясь, рассказывала мужу о странной визитерше.

– Что ей от тебя было надо, Юр? – бездумно спросила она.

– Откуда же мне знать, что и кому от меня надо. Скорее всего какая-то безумная студентка. Музыкальные девушки, сама знаешь, сплошная экзальтация. Может, экзамен завалила. Есть у меня такие. Ну и пришла умолять о пересдаче. Я даже не понял, о ком идет речь. К моему описанию сразу человек десять подходит.

И надо же! Тина осталась вполне довольна его ответом. И полностью его приняла. Ну да! Все же понятно! Завалила экзамен, а теперь не знает, как пересдать. И вопроса не возникло о том, почему при знакомстве с женой своего преподавателя надо было убегать, словно потеряв рассудок. Только сейчас дошло. И хорошо, что дошло! И наконец-то.

Понятными стали и странные звонки по домашнему телефону, когда кто-то явно дышал в трубку, слушал, как она откликается:

– Алло?

Обычно Тина немножко переживала, чувствуя одушевленность тишины, а потом предлагала:

– перезвоните, вас не слышно!

Но никто не перезванивал.

Много чего стало понятно. А самое главное: ни в грош он ее не ставил. Уже много-много лет. И зачем венчался? И как это совмещалось в его душе?

От этих открытий плакать не хотелось. От них хотелось настучать самой себе по мордасам за то, что была столько лет круглой душой. Все эти мысли отнимали последние силы. И впридачу Клава начинала рычать, неизвестно на кого.

Нет! Нельзя было думать ни о прошлом, ни о будущем. И там, и там – ложь и пустые иллюзии.

Каталог загаженных слов

С Юрой они с момента расставания не общались. Луша прислала к матери девочку-адвоката, всего год назад выпустившуюся из университета.

– Она с нас возьмет по минимуму, чисто символически, – деловито пояснила дочь, – Хотела бесплатно, но это нельзя. Примета плохая. И к тому же ей я доверяю. А то, знаешь, какие бывают адвокаты: и нашим, и вашим. Адвоката перекупят, и начнет он действовать в интересах противоположной стороны.

– Но это безнравственно! – воскликнула прежняя, неизвестно откуда взявшаяся Тина, – Хотя... кому какое дело до нравственности? Устаревшая категория.

– Не устаревшая, мам, не усугубляй. Вот – Танечка: она же помогает. И совершенно безвозмездно собиралась. Но люди разные. И всегда были разными. Можно подумать, предательство, измены, убийства, ложь, подкуп – это изобретения нашего времени. Ведь нет же! Старо, как мир. Все грехи – старые, тухлые, ветхие. А мы каждый раз удивляемся, как в первый раз, – мудро рассуждала Луша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.